

И. А. Уберский

**Памяти профессора
Василия Васильевича Болотова**

Христианское чтение 1903

№ 4-6, с. 821-849

№ 7-9, с. 3-26, 265-277

№ 10-12, с. 399-406

Памяти профессора Василя Васильевича Болотова.

— — —

ПЕЧАЛЬНАЯ вѣсть о кончинѣ «лучшаго украшенія» С.-Петербургской духовной академіи—проф. Василя Васильевича Болотова († 5 апр. 1900 г.)—съ быстротою молніи пронеслась по всему ученому міру и, достигнувъ царскаго престола, искреннею скорбію наполнила сердца знавшихъ Василя Васильевича. Уваженіе и любовь къ нему со стороны лицъ, причастныхъ наукѣ, сказались во всей силѣ сряду же послѣ его кончины. Самое погребеніе Василя Васильевича являло собою какъ бы торжественное ошествовіе его въ загробный міръ; а сказанныя тогда рѣчи служать выраженіемъ хотя и скорбнаго, но восторженнаго о немъ чувства. Видимымъ знакомъ этихъ чувствъ, вполне оцѣнившихъ значеніе почившаго, является теперь памятникъ на могилѣ его праха, созданный средствами знавшихъ его, какъ ученаго, и открытый 19 апрѣля этого года ¹⁾.

«Народы любятъ ставить памятники своимъ великимъ людямъ, говоритъ историкъ Соловьевъ, но дѣла великаго человека суть памятникъ, поставленный имъ своему народу». Василь Васильевичъ и былъ такимъ избранникомъ Божиимъ,

¹⁾ По случаю открытія 19 минувшаго апрѣля надгробнаго памятника † профессорамъ И. Е. Троицкому и В. В. Болотову (Церк. Вѣст. № 17 за 1903 г.) въ майской книжкѣ „Христ. Чтенія“ была напечатана статья посвященная „Памяти проф. И. Е. Троицкаго“, а въ юньской и юльской книжкахъ „Памяти проф. В. В. Болотова“ посвящаются настоящая статья и помѣщаемое ниже посмертное произведеніе самого присвопамятнаго профессора „Къ вопросу объ Acta Martyrum Scilitanorum“. *Ред.*

ученые труды котораго являются памятникомъ, поставленнымъ имъ отечественной наукѣ предъ лицомъ всего ученаго міра.

Какъ тяжка и надолго незамѣнима утрата въ лицѣ Василя Васильевича для ученаго міра, объ этомъ уже отмѣчено въ появившейся послѣ его смерти литературѣ о немъ ¹⁾. Императорская академія наукъ въ своемъ отчетѣ за 1900 г. отмѣтила о смерти Василя Васильевича, какъ «крупнаго дѣятеля не только русской, но и вообще современной науки христіанскаго Востока» ²⁾. С.-Петербургская духовная академія въ своемъ отчетѣ за тотъ же годъ говоритъ, что Василій Васильевичъ, «какъ оріенталистъ стяжалъ себѣ заслуженный авторитетъ и почетную извѣстность и за границей» ³⁾. Теперь ученые труды Василя Васильевича сдѣлались достояніемъ исторіи. «Печатныя сочиненія его, немногія сравнительно числомъ и объемомъ, всегда давали очень много и надолго впредь будутъ цѣнны, особенно съ методологической стороны, даже помимо ихъ содержанія. Ихъ будутъ изучать, какъ и теперь уже изучаютъ, какъ классическіе образцы критико-историческаго метода, которымъ почившій владѣлъ въ совершенствѣ» ⁴⁾.

Вторымъ памятникомъ, поставленнымъ Василіемъ Васильевичемъ своимъ потомкамъ, является его библіотека, поступившая отъ его паслѣдника въ академію. Это драгоценное сокровище заключаетъ въ себѣ свыше 3.000 книгъ, поля которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ украшены собственноручными замѣтками Василя Васильевича, заслуживающими серьезнаго вниманія.

Но насколько цѣнны для церковной исторіи труды Василя Васильевича, настолько же важно изученіе самой личности его,—какъ рѣдкаго соединенія блестящихъ способностей,—за которою «установилась слава почти гениальной учености» ⁵⁾. Необыкновенная его преданность наукѣ и самоотверженная

¹⁾ Указатель литературы о В. В. Болотовѣ, появившейся послѣ его смерти, сдѣланъ у А. И. Бриллиантова въ его статьѣ: «Къ характеристикѣ ученой дѣятельности В. В. Болотова, какъ церковнаго историка». См. „Христ. Чтеніе“, 1901 г., апрѣль, стр. 467, примѣч. 1.

²⁾ Отчетъ Императ. академіи наукъ за 1900 г., стр. 14.

³⁾ Годичный актъ въ Спб. д. а. въ 1901 г. Спб. 1901 г., стр. 5.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 5. Ср. „Вѣнокъ на могилу В. В. Болотова“, Спб. 1900 г., стр. 14.

⁵⁾ А. И. Бриллиантовъ. Къ характеристикѣ ученой дѣятельности В. В. Болотова. „Христ. Чтеніе“, 1901 г., апрѣль, стр. 489.

любовь къ академіи побуждаютъ дорожить мельчайшими подробностями изъ дѣятельности Василя Васильевича, которая не ограничивалась у него одними научными трудами. Ему приходилось работать одновременно съ научными изысканіями и пасть вопросамъ внутренней академической и церковно-общественной жизни. Поэтому, для полнаго обзора его жизни и дѣятельности имѣютъ не маловажное значеніе и тѣ его труды, которые были посвящены пмъ, помимо церковной исторіи, и вопросамъ внутренней академической и церковно-общественной жизни. Намъ рѣвалось по случаю открытія памятника Василю Васильевичу отдать ему справедливую дань уваженія и благодарности, мы имѣемъ цѣлю показать, на основаніи архивныхъ академическихъ свидѣтельствъ, дѣятельность Василя Васильевича по этимъ вопросамъ. При этомъ будемъ считать свою задачу выполненною, если только кратко приведемъ въ извѣстность то, что будущій историкъ можетъ болѣе подробно рассказать при изученіи академическаго архива о дѣятельности Василя Васильевича не только какъ ученаго, но и какъ преданнѣйшаго сына академіи, работавшаго по вопросамъ внутренней ея жизни.

Прежде, однако, чѣмъ говорить о дѣятельности Василя Васильевича съ этой стороны, бросимъ бѣглый взглядъ на академическую жизнь, которая предъявляетъ своимъ дѣятелямъ много обязанностей въ силу высокой задачи нашихъ академій по отношенію къ церкви и отечеству.

I.

Православное духовенство въ Россіи въ дѣлѣ своего образованія поставлено въ изолированное отъ другихъ сословіи положеніе. Ему приходится въ своихъ собственныхъ учебныхъ заведеніяхъ получать и богословское и общее образованіе; а для этого съ богословскими науками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ соединять гимназическіе, а въ высшихъ—университетскіе курсы всѣхъ общеобразовательныхъ наукъ и готовить преподавателей по всѣмъ этимъ предметамъ для своихъ школъ¹⁾. «Для блага церкви духовенство не можетъ

¹⁾ Вѣроятно, по финансовымъ соображеніямъ Св. Синода, на практикѣ этотъ принципъ въ настоящее время послѣдовательно не проводится. Духовныя академіи, будучи единственными для духовенства

не стремиться къ тому, чтобы уровень его высшаго научнаго образованія былъ не ниже уровня образованія не только другихъ сословій своего отечества, но и просвѣщенныхъ государствъ Запада. Удовлетворять этому законному стремленію чрезъ разработку и развитіе необходимой для духовенства науки; чрезъ размноженіе и распространеніе богословскихъ и неразрывно связанныхъ съ ними небогословскихъ знаній; чрезъ приготовленіе преподавателей для среднихъ и другихъ духовно-учебныхъ заведеній,—предназначены наши православныя духовныя академіи, которыя такимъ образомъ являются единственными питомниками науки и высшаго научнаго какъ богословскаго, такъ и общаго образованія»¹⁾. Академіи служатъ высшимъ интересамъ церкви и являются могущественнымъ оплотомъ и неослабкою защитою ея. Отсюда изливается духовный свѣтъ истинныхъ знаній въ духовенствѣ и въ обществѣ, здѣсь каждый получаетъ духовный капиталъ, которымъ живетъ во всей своей послѣдующей жизни. Какъ маяки во время бурь стихійной природы спасаютъ на морѣ своимъ огонькомъ, такъ и православныя духовныя академіи, блистая своимъ все сильнѣе и сильнѣе возгорающимся свѣтомъ, освѣщаютъ и защищаютъ путь къ св. православной церкви. Въ силу такого историческаго положенія духовныхъ академій, не легки и важны во всѣхъ отношеніяхъ труды академическихъ дѣятелей. Просвѣщенное служеніе церкви и отечеству налагаетъ на нихъ много обязанностей и помимо главной—доставлять высшее богословское и общее образованіе духовному юношеству.

С.-Петербургская духовная академія поставлена въ условія высшаго духовно-учебнаго заведенія 17 февраля 1809 года. Съ этого времени въ теченіи шестидесяти лѣтъ (до устава 1869 г.) на ней всецѣло лежали обязанности: образованія духовнаго юношества къ высшимъ духовнымъ должностямъ, управ-

разсадниками высшаго просвѣщенія, не имѣютъ теперь кафедръ, напр., по физико-математическимъ наукамъ и не готовятъ для духовныхъ семинарій преподавателей по этимъ предметамъ. А было время, когда въ академіяхъ преподавались: антропология, физика, математика и другія общеобразовательныя науки.

¹⁾ Архивъ Спб. дух. академіи, 1881 г., дѣло № 56: „Соображенія прот. І. Л. Янышева объ измѣненіяхъ въ организаціи духовныхъ академій, какія, по указанію почти 12-лѣтняго опыта дѣйств. академич. устава, представляются нужными и полезными“.

ленія духовными семинаріями и училищами своего округа, распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ и завѣдываніе цензурою книгъ духовнаго содержанія. Всѣ эти обязанности были распределены между членами тогдашней академической конференціи, одна часть дѣйствительныхъ членовъ которой, не принадлежащихъ къ числу академическихъ наставниковъ, была занята разными обязанностями епархіальной службы и службою при разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Она поэтому не могла всецѣло посвящать себя на служеніе академіи. Зато другая часть конференціи, состоящая изъ наставниковъ академіи, всецѣло раздѣляла между собою эти обязанности. Сверхъ главной обязанности преподаванія своей науки одни изъ наставниковъ занимали при академіи же другія болѣе или менѣе важныя и трудныя должности, какъ напр., члены внутренняго и вѣшняго правленія, инспектора, секретаря, бібліотекаря и эконома академіи; другія же пополняли собою составъ духовнаго цензурнаго комитета, въ которомъ тогда состояло постоянно четыре члена. По самому званію наставниковъ, на профессорахъ академіи лежали обязанности: разсмотрѣніе сочиненій курсовыхъ и подаваемыхъ на ученія степени, а также книгъ для классическаго употребленія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, составленіе программъ для этихъ заведеній, обзорѣніе духовныхъ семинарій, особенно при окончаніи учебныхъ курсовъ, распределеніе окончившихъ курсъ академіи по соответствующимъ должностямъ въ семинаріяхъ и училищахъ и др., требующія продолжительныхъ и усиленныхъ занятій. Сверхъ того, отъ высшаго начальства академическіе дѣятели получали массу частныхъ порученій, для исполненія которыхъ въ академіи приходилось составлять изъ профессоровъ спеціальныя комитеты, работавшіе по нѣскольку лѣтъ. Переводы и научное разсмотрѣніе всевозможныхъ рукописей, грамотъ и книгъ на разныхъ языкахъ и нарѣчій въ интересахъ высшаго начальства составляли неотъемлемую обязанность многихъ изъ наставниковъ, помимо ихъ спеціальныхъ занятій своею наукою. Наконецъ, даже проповѣданіе слова Божія въ храмахъ столицы, а особенно въ Исаакіевскомъ, Казанскомъ и Александро-Невскомъ соборахъ, составленіе примѣрныхъ программъ катехизическихъ поученій и произведеній другого рода церковнаго краснорѣчія тоже лежали на обязанности наставниковъ академіи.

Съ 1869 г. академіи хотя и были нѣсколько освобождены

отъ этой широкой дѣятельности и начали жить, такъ сказать, внутреннею своею жизнью; тѣмъ не менѣе значеніе ихъ, какъ просвѣдительныхъ центровъ для своихъ округовъ, не утратилось, а напротивъ, благодаря самоотверженной работѣ академическихъ дѣятелей, возросло. И чѣмъ болѣе возросло это значеніе академій, тѣмъ болѣе увеличивались обязанности ея дѣятелей. Въ каждой семьѣ съ увеличеніемъ ея членовъ жизнь осложняется и предъявляетъ много запросовъ; такъ и въ жизни академической: увеличивавшееся съ каждымъ годомъ число студентовъ осложняло академическую жизнь во всѣхъ частяхъ ея управленія и налагало на академическихъ дѣятелей много заботъ по устройству внутренней жизни академій. При помощи предварительныхъ комиссій, составляемыхъ изъ наставниковъ академій, разрабатывался весь строй академической жизни, составлялись правила общесжитія и изыскивались мѣры къ усилению ученой дѣятельности академій. Но, будучи заняты дѣломъ внутренняго своего устройства и развитія, академій не замыкались исключительно въ себя самихъ, но отзывались на вопросы и нужды окружающей ихъ жизни общества, а дѣятели академической науки служили и служатъ церкви и обществу не посредствомъ добросовѣстнаго только исполненія прямыхъ своихъ обязанностей и специально ученыхъ и литературныхъ трудовъ, но и черезъ непосредственное, ближайшее участіе въ важнѣйшихъ движеніяхъ церковно-общественной жизни ¹⁾. Отсюда ученые и литературные ихъ труды въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ имѣютъ связь не только съ ихъ специальностями, но и носятъ характеръ руководительный при рѣшеніи различныхъ вопросовъ церковной жизни. Что же касается порученій академическимъ дѣятелямъ со стороны высшаго начальства, то они не уменьшались и съ введеніемъ въ академій уставъ 1884 года. Въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность весьма разнообразна: имъ приходится исполнять всевозможныя порученія, начиная съ порученія Спб.—ской духовной консисторіи перевести съ нѣмецкаго языка на русскій слѣдственное дѣло о дѣвицѣ, застрѣленной нечаянно изъ ружья прикащикомъ В. Андреевымъ ²⁾ и кончая порученіемъ—быть представителемъ отъ вѣдомства православнаго исповѣданія въ комиссіяхъ при Императорской академіи наукъ

¹⁾ Отчетъ о состояніи и дѣятельности Спб. дух. академіи за 1873 г., стр. 43—44.

²⁾ Архивъ Спб. дух. академіи, 1822 г., дѣло № 86.

и при русскомъ астрономическомъ обществѣ по введенію въ Россіи новаго стиля ¹⁾). Свидѣтелями этихъ трудовъ являются архивы академическіе и тѣхъ учреждений, дѣятельность къ которымъ у нихъ проявлялась. Это—свидѣтели нынѣ не вѣдѣмые и лишь въ будущемъ доступные будущимъ историкамъ. Поэтому, въ жизни академическихъ дѣятелей нѣкоторыя стороны ихъ дѣятельности остаются для современниковъ не вполне освѣщенными.

II.

Дѣятельность Василя Васильевича по вопросамъ внутренней жизни академіи началась еще при прежнемъ уставѣ 1869 г., когда онъ, будучи еще доцентомъ, состоялъ членомъ церковно-историческаго отдѣленія и работалъ подъ руководствомъ профессоровъ: И. Е. Троицкаго, М. О. Кояловича, И. О. Нильскаго, прот. П. О. Николаевскаго, О. Г. Елеонскаго и Н. А. Сабалаповича. За это время почти всѣ доклады этого отдѣленія въ Совѣтъ академіи и отзывы объ ученыхъ сочиненіяхъ тщательно даже переписаны собственною рукою Василя Васильевича. Тщательность и красота внѣшней формы всѣхъ работъ Василя Васильевича были одною изъ отличительныхъ его чертъ. Но скоро Василій Васильевичъ и самъ сдѣлался примѣрнымъ и, можно сказать, надолго незамѣнимымъ руководителемъ. Съ введеніемъ въ 1884 г. въ академіяхъ новаго устава онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всевозможныхъ комиссіяхъ при разработкѣ вопросовъ по внутреннему строю академической жизни. Для него здѣсь не было различія между важнымъ и неважнымъ; онъ всему, что касалось академіи и науки, придавалъ значеніе и охотно исполнялъ всѣ, возлагаемыя на него порученія.

Вотъ краткій обзоръ его трудовъ въ этомъ отношеніи.

Въ 1884 г. онъ много потрудился при выработкѣ учебнаго плана для студентовъ II и III курсовъ академіи примѣнительно къ новому академическому уставу и составилъ программу для духовныхъ семинарій по общей церковной исторіи; въ 1885 г. участвовалъ въ составленіи правилъ подачи студентами семестровыхъ сочиненій; въ 1887 г. составилъ проектъ росписанія семестровыхъ сочиненій съ 1887/8 по 1893/4 учеб. годъ съ

¹⁾ Тамъ же, 1899 г. дѣло № 18.

примѣненіемъ и подробнымъ разъясненіемъ принципа равно-мѣрнаго распредѣленія профессорскаго труда при чтеніи этихъ сочиненій; состоялъ въ комиссіи по ревизіи академической библіотеки и по пересмотру правилъ о приѣмѣ въ студенты академіи и о производствѣ испытаній; въ 1888 г. составилъ проектъ о литографированіи лекцій въ академіи и состоялъ въ комиссіи по выработкѣ правилъ для распредѣленія денежныхъ наградъ за курсовыя сочиненія; въ 1889 г. былъ членомъ комиссіи по выясненію назначеній пожертвованныхъ въ академію капиталовъ и въ частности—юбилейнаго капитала; въ 1893 г. принялъ на себя трудъ, по порученію Св. Синода, дѣлопроизводителя комиссіи для предварительнаго выясненія условій и требованій, какія могли бы быть положены въ основу переговоровъ о соединеніи старокатоликовъ съ православною русскою церковію ¹⁾; въ 1894 г. состоялъ въ комиссіяхъ: а) по пересмотру составленныхъ въ 1887—88 годахъ правилъ о порядкѣ и производствѣ испытаній въ академіи при приѣмѣ въ студенты, при переходѣ изъ курса въ курсъ и при окончаніи курса, б) по выработкѣ мѣръ противъ несвоевременной подачи студентами семестровыхъ сочиненій и в) по выясненію основаній, по которымъ было бы возможно производить распредѣленіе стипендій между студентами на каждомъ курсѣ; въ 1895 г. былъ членомъ комиссіи по вопросу объ измѣненіи § 106 устава духов. академій; въ 1896—по вопросу о тѣхъ измѣненіяхъ въ строѣ академической жизни, которыя по указаніямъ опыта представлялись желательными; въ 1898 г., по порученію Св. Синода выяснилъ, на какихъ условіяхъ и какимъ церковнымъ чиномъ должно совершиться присоединеніе къ православной церкви сиро-халдейскихъ несторіанъ и перевелъ для нихъ на сиро-халдейскій языкъ наши вѣроисповѣдныя формулы: по порученію того же Св. Синода разсмотрѣлъ брошюру, изданную въ Окфордѣ, подъ заглавіемъ: «Священное Писаніе на языкахъ вселенной» и составилъ о ней отзывъ, и въ этомъ же году перевелъ на русскій языкъ абиссинскія грамоты для министерства иностранныхъ дѣлъ; наконецъ, въ 1899 г. состоялъ въ комиссіи по ревизіи академической библіотеки, по составленію правилъ выписки книгъ въ библіотеку и былъ назначенъ представите-

¹⁾ О значеніи трудовъ В. В. Болотова по вопросу о старокатоликахъ кратко указано у проф. *И. И. Жуковича* въ „Вѣникъ на могилу В. В. Болотова“, стр. 19.

лемъ православнаго исповѣданія въ особую комиссію, образовавшую съ соизволенія Государя Императора при академіи наукъ, по вопросу о согласованіи нашего стараго стила съ новымъ—западнымъ, независимо отъ участія его въ комиссіи, образованной при русскомъ астрономическомъ обществѣ для разсмотрѣнія того же вопроса ¹⁾).

Если ко всему изложенному прибавимъ, что Василій Васильевичъ въ теченіе восьми лѣтъ читалъ семестровыя сочиненія студентовъ (въ 1884¹/₂—⁵/₆, 1887¹/₈, 1889¹/₁₀, 1891¹/₂, 1893¹/₄, 1895¹/₆ и 1897¹/₈ гг.), десять лѣтъ производилъ пріемный экзаменъ по общей церковной исторіи вновь поступающихъ въ академію (въ 1881, 1885, 1887, 1890, 1893—7 и 1899 гг.) и пять лѣтъ состоялъ въ комиссіи по повѣркѣ счисленія экзаменаціонныхъ балловъ ²⁾, то и въ этомъ случаѣ получается далеко еще не полная картина разнообразной и высоко полезной дѣятельности Василія Васильевича. Онъ въ высшей степени дорожилъ и благомъ церкви и преуспѣваніемъ академіи и всю свою жизнь и всѣ свои силы посвятилъ служенію академической наукѣ и слѣдовательно высшимъ интересамъ православной церкви. Онъ не отказывался ни отъ какой работы, когда она касалась академической жизни или поручалась вышешою властію, и необыкновенно добросовѣстно относился къ этимъ обязанностямъ академическаго наставника. Къ сожалѣнію, съ этой стороны не падали силъ Василія Васильевича и особенно въ послѣдніе годы его жизни. Его назначали членомъ всевозможныхъ комиссій и поручали разработку вопросовъ по различнымъ отраслямъ академической и церковно-общественной жизни. Эти его труды отличались замѣчательною быстротою по исполненію и талантливостью по характеру. Касалось ли дѣлу административной стороны, юридической, церковно-общественной, или астрономической, вездѣ Василій Васильевичъ являлся опытнымъ хозяиномъ. Многіе изъ его трудовъ теперь лежатъ въ основѣ академическаго строя студенческой и ученой жизни и такъ характерны, что носятъ названіе «Болотовскихъ». Выработанныя имъ правила акаде-

¹⁾ Результатомъ трудовъ В. В-ча въ этой комиссіи являются три его реферата, прочитанные на засѣданіяхъ комиссіи и напечатанные въ отчетѣ ея; они имѣли громадное значеніе на рѣшеніе разсматривавшагося въ комиссіи вопроса.

²⁾ Правило—повѣрять секретарскіе подсчеты студенческихъ балловъ существуетъ въ Сиб-ской Дух. Академіи съ 1885 г.; см. Журн. Засѣд. Совѣта Академіи за 1884—85 уч. годъ, стр. 147.

мической жизни отличаются юридическою краткостью и замѣчательною точностью выраженія, а положенія въ нихъ основаны проникнуты яснымъ сознаніемъ необходимости сохраненія истинныхъ интересовъ науки и искреннею заботливостью о студентахъ академіи. Притомъ всѣ его труды, касались ли они повѣрки счисленія балловъ, или научныхъ изысканій, украшены «незабудками», которыя на долгое время сохраняютъ имя Василія Васильевича, какъ руководителя академіи и постлѣ отшествія его въ загробный міръ.

III.

Въ теченіи пяти лѣтъ, какъ мы сказали выше, Василій Васильевичъ состоялъ въ комиссіи, повѣрявшей табели студенческихъ балловъ. Этотъ трудъ кропотливый и тяжелый; здѣсь приходится имѣть дѣло съ цифрами въ тысячныхъ доляхъ и только съ цифрами. Но особенно онъ тяжелъ былъ для Василія Васильевича въ концѣ учебнаго года, когда труженики науки снѣшать отдохнуть отъ учебныхъ занятій, а Василій Васильевичъ, какъ-бы не знавшій отдыха, имѣлъ дѣло съ утомительными вычисленіями надъ экзаменаціонными цифрами. Не меньшими трудами сопровождалось для него и начало учебнаго года, когда пріемные экзамены въ академіи, на которыхъ онъ десять лѣтъ состоялъ экзаменаторомъ по своему предмету, а въ иные годы бывалъ ассистентомъ и на другихъ экзаменахъ, заканчивались тоже подсчетами балловъ. Въ этомъ трудѣ Василій Васильевичъ не довольствовался наблюденіемъ только за точностью секретарскихъ выводовъ и за соответствіемъ ихъ установленнымъ правиламъ; но и самъ задавался выводами, относительно которыхъ хотя и выражался, что они «среднихъ величинъ», но въ этомъ выраженіи сказывалась скромность Василія Васильевича и строгость къ своимъ собственнымъ работамъ. На самомъ дѣлѣ его выводы и наблюденія надъ студенческими баллами имѣютъ большое значеніе и лежатъ въ основу нѣкоторыхъ правилъ теменной академической жизни. Эти свои выводы Василій Васильевичъ изложилъ въ одной изъ докладныхъ записокъ, когда выяснять основанія, по которымъ должно быть производимо распределеніе въ академіяхъ стипендій между студентами въ каждомъ курсѣ. Дѣло въ томъ, что до 1895 г. въ академіи казенныя стипендіи распределялись между студентами одинъ разъ въ теченіи всего академическаго курса и распределялись

на основаніи успѣховъ, оказанныхъ поступающими въ академію на пріемныхъ экзаменахъ. Студентъ, получившій казенную стипендію въ I курсѣ, сохранялъ ее за собою и въ послѣдующихъ курсахъ, хотя бы онъ по своимъ успѣхамъ оказался въ спискѣ и послѣднимъ. Между тѣмъ учиться въ академіи на казенной стипендіи составляетъ привилегію, которой достойны, конечно, лучшие студенты. Производя пріемныя испытанія вновь поступающихъ въ академію и участвуя въ подсчетахъ экзаменаціонныхъ балловъ, Василій Васильевичъ первый обратилъ вниманіе на подсчеты пріемныхъ экзаменовъ и на малую основательность того критерія, которымъ руководилась академія при распредѣленіи казенныхъ стипендій. Дѣйствительно, знакомство на пріемныхъ экзаменахъ профессоромъ съ экзаменуемымъ — кратковременно, иногда неизбежно носитъ на себѣ все невыгоды перваго впечатлѣнія, а данныя семинарскихъ аттестатовъ неизбежно односторонни, потому что аттестующія начальства не имѣютъ никакой возможности сравнить своихъ питомцевъ съ ихъ конкурентами изъ другихъ семинарій. Болѣе полныя данныя о студентахъ академіи пріобрѣтаютъ лишь впоследствии, съ теченіемъ каждаго курса, и потому въ состояніи распредѣлить между ними вакансіи съ болѣею справедливостью на основаніи результатовъ годичныхъ испытаній, чѣмъ повѣрочныхъ и семинарскихъ аттестатовъ. Самъ Василій Васильевичъ далъ блестящее разъясненіе этого въ своей запискѣ, адресованной въ Совѣтъ академіи.

„По шлѣ дѣйствующему Уставу духовныхъ академій, говоритъ Василій Васильевичъ, лучше по отвѣтамъ воспитанники принимаются Совѣтомъ академій въ число студентовъ казеннокоштными. Это рѣшеніе Совѣтовъ остается въ силѣ на все четыре года пребыванія студентовъ въ академіи. Только въ видѣ наказанія за особенные проступки студентъ можетъ быть лишенъ казеннаго содержанія, и только малоуспѣшность, выказавшаяся такъ рѣзко, что переходъ студента въ слѣдующій курсъ становится невозможнымъ, — можетъ повлечь за собою и лишеніе казеннаго содержанія.

Между тѣмъ приходится наблюдать, что студенты, въ числѣ казеннокоштныхъ не состоящіе, на экзаменахъ отвѣчаютъ лучше, а въ разрядныхъ спискахъ занимаютъ мѣста выше, чѣмъ ихъ товарищи, болѣе счастливо сдавшие пріемныя испытанія. И Совѣтъ академій, тѣмъ не менѣе, не имѣетъ возможности измѣнить свое прежнее рѣшеніе и передать часть казеннокоштныхъ вакансій этимъ студентамъ, оказавшимся *достойнѣйшими*.

Эта неизмѣнность совѣтскаго предварительнаго рѣшенія:

обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ болѣе, что основанія, которыми руководствуется Совѣтъ, постановляя свое рѣшеніе, неизбѣжно не вполне прочны.

а) Академія наблюдаетъ новопоступающихъ воспитанниковъ въ теченіе лишь нѣсколькихъ дней во время приемныхъ испытаній. Эти послѣднія имѣютъ органически имъ свойственныя и потому *неустранимыя* недочеты.

Испытанія бываютъ письменныя и устныя.

І. Первыя имѣютъ—съ точки зрѣнія экзаменатора—свои преимущества и свои недостатки сравнительно съ устными испытаніями. Первыя сводятся главнымъ образомъ къ тому, аа) что въ сочиненіяхъ испытуемые даютъ отвѣтъ болѣе *обдуманнѣй*, чѣмъ на устныхъ экзаменахъ и бб) читающій сочиненія профессоръ (какъ ни стѣсненъ онъ краткостію назначеннаго ему срока на ихъ чтеніе) можетъ *перечитать* еще разъ нѣкоторыя сочиненія, въ сравнительной оцѣнкѣ которыхъ онъ не рѣшается положиться на первое впечатлѣніе. Сравнительный недостатокъ письменныхъ испытаній предъ устными состоитъ въ томъ, что сочиненія всѣми пишутся на данную тему и слѣдовательно неизбѣжно *всегда спеціальны*. Студентъ знающій и дѣльный, но имѣвшій несчастье безъ вниманія отнестись къ тому уголку науки, изъ котораго взята тема, рискуетъ неизбѣжно потерять все. Его свѣдѣнія на всемъ протяженіи другихъ отдѣловъ данной науки могутъ оказаться ему вполне бесполезными. Заданная тема все сводитъ къ одному удару. Этого не бываетъ на устныхъ испытаніяхъ, когда экзаменаторъ зондируетъ отвѣчающаго по всѣмъ направленіямъ и даетъ ему возможность, незнакомаго съ однимъ отдѣломъ покрыть предъявляемъ основательныхъ знаній въ остальныхъ частяхъ даннаго предмета.

Съ точки зрѣнія экзаменуемыхъ органической недостатокъ письменныхъ испытаній—тогъ, что писать сочиненіе приходится неизбѣжно *экспромптомъ*. *Extemporalia* роковымъ образомъ обращаются въ пользу лицамъ съ однимъ складомъ мышленія и во вредъ лицамъ другого умственного типа. Проигрываетъ человѣкъ, которому съ трудомъ дается литературная форма, выигрываетъ бойкое перо многоисца. На такомъ конкурсѣ писатель истинно классической рискуетъ потерпѣть пораженіе отъ газетнаго репортера. Классическое правило *sapere stylum veritas* здѣсь оказывается прямо вреднымъ. И если брать во вниманіе только содержаніе подобныхъ сочиненій, то *extemporalia* выгодны для лицъ, скоро все схватывающихъ и планирующихъ, и не выгодны для тѣхъ, кто не привыкъ братья за перо, пока не подвергъ свои мысли возможно-всесторонней критической пробѣ, кто носитъ въ себѣ задатки серьезнаго мыслителя и работника.—Если къ этому прибавить, что пишущій не рѣдко не увѣренъ, какая изъ сторонъ рѣшаемаго имъ вопроса признается

экзаменаторомъ за главную, и потому пытается не опустить ни одной изъ возможныхъ точекъ зрѣнія и не въ состояннн противиться соблазну—поговорить о предметѣ даже multa: то преимущества однихъ умственныхъ типовъ предъ другими на подобномъ конкурсѣ становятся видны во всемъ объемѣ. Словомъ, extemporalia, не давая экзаменуемымъ возможности выказать свою эрудицію, слабо защищаютъ ихъ и противъ той опасности, что матовыя дарованія останутся незамѣтными, что стразы предпочтутъ негнаненнымъ алмазамъ.

II. Устные испытанія имѣютъ такъ же свои неустранимые недостатки.

а) Экзаменующійся, человѣкъ уже взрослый, неимѣющій уже счастливой въ данномъ случаѣ безпечности дѣтскаго и старческаго возраста, ясно представляющій, что онъ терреть въ случаѣ неудачи, и потому естественно волнующійся, съ возбужденными нервами,—становится лицомъ къ лицу съ экзаменаторомъ, котораго видитъ въ первый разъ, который для него представляется чистою неизвѣстностью, взгляды котораго пужло однако разгадать. *Тяжесть перваго знакомства* при этихъ условіяхъ становится особенно не выгодною. Экзаменующійся въ продолженіе дѣлаго ряда лѣтъ привыкъ подвергаться испытаніямъ предъ *своими*, которыхъ и онъ знаетъ, которые и его знали. Онъ чувствовалъ, что за нимъ есть его прошлое, что даже для самыхъ строгихъ экзаменаторовъ онъ не есть какое-то *z*, что имъ его особенности извѣстны, и онъ будутъ приняты во вниманіе. Теперь же этой гарантн нѣтъ; онъ—въ полномъ смыслѣ незнакомецъ. Его можетъ быть смущаетъ и тонъ рѣчи и самое выраженіе лица экзаменаторовъ. Дѣлая ошибки въ отвѣтахъ, онъ смущается особенно потому, что не знаетъ, какъ тяжело имѣнитъ ему эти новые люди эти промахи. Онъ не увѣренъ и въ томъ, что его конкурренцы (тоже незнакомцы) способны на такіе же промахи. Словомъ, первое возбужденіе большинству экзаменующихся мѣшаетъ имъ воспользоваться своими знаніями наилучшимъ образомъ. Едва-ли не каждый изъ подвергающихся испытанію стоитъ съ тяжелымъ сознаніемъ, что здѣсь онъ рискуетъ отвѣтить такъ слабо, какъ пикогда не отвѣчалъ и не отвѣтитъ бы въ своей родной семинаріи.

б) Экзаменаторъ не можетъ не сознавать, что на немъ лежитъ обязанность—произвести испытаніе съ *возможною быстротою*, словно бодѣженную хирургическую операцію. Затянувъ экзаменъ, онъ рискуетъ предстанитъ Совѣту совершенно фальшивыя данныя. Нѣтъ никакой возможности считать мѣру утомленія тѣхъ, которые имѣютъ невыгоду отвѣчать послѣдними, чтобы указать имъ справедливо ихъ мѣсто въ ряду ихъ конкурренцовъ, отвѣчавшихъ еще до поудня.

Пишущій эти строки помнитъ, какъ его списокъ всѣхъ удивилъ слабоватою отмѣтою одного изъ державшихъ повѣрочное испытаніе и обратившаго на себя вниманіе отличными отвѣтами. Этотъ баллъ былъ однако поставленъ съ извѣстнымъ спсхожденіемъ во вниманіе къ тому, что этотъ рекомендованный семинаріею воспитанникъ отвѣчалъ *по-слѣднимъ*. Спустя годъ этотъ студентъ въ разрядномъ списокѣ I курса занялъ *первое* мѣсто. Полный физическихъ силъ, энергичный, онъ вѣроятно съ утра до вечера слушалъ отвѣты подвергавшихся повѣрочному испытанію, подмѣчалъ ихъ недочеты и ошибки, давалъ мысленно отвѣтъ на всякій вопросъ, слышавшійся въ экзаменаціонной залѣ, волновался если память ему нѣсколько измѣнила, или вопросъ казался ему непонятнымъ, и наконецъ, когда и до него дошла очередь, вышелъ уже нервно истомленный и началъ пугаться въ отвѣтахъ.

При невозможности ограничиться отвѣтомъ на одинъ вопросъ (счастливымъ или неудачнымъ можетъ быть по чистой случайности), экзаменатору приходится требовать отвѣтовъ *in puse*, короткихъ и точныхъ, и тѣмъ ограничивать свободу или только комфортъ экзаменующихся, которые нѣрѣдко пріучены говорить кругло, съ цвѣтами краснорѣчія, — и своимъ требованіемъ чего-то словно необычнаго невольно производить можетъ быть гнетущее впечатлѣніе на всѣхъ слышащихъ.

в) Этими органическимъ недочетамъ повѣрочныхъ испытаній надлежащимъ противовѣсомъ служатъ повидному данныя семинарскихъ аттестатовъ, доставляемыя лицами, которыя вызывали особенности и достоинства воспитанниковъ въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ. Эти данныя и принимаются во вниманіе и отражаются обязательно на разрядномъ списокѣ, составляемомъ послѣ повѣрочныхъ испытаній. Но и аттестатамъ семинарїи свойственны особые недостатки, ослабляющіе значеніе этихъ документовъ, какъ вполне надежныхъ источниковъ.

аа) Самая форма аттестатовъ не позволяетъ семинарскимъ начальствамъ предьявлять всю полноту наблюденій надъ воспитанниками:

1. въ отличіе отъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ свѣтскими учебными заведеніями, въ семинарскихъ аттестатахъ не выводится средний баллъ;
2. не видно, какое мѣсто въ разрядномъ списокѣ занялъ получившій данный аттестатъ;
3. изъ сколькихъ воспитанниковъ состоитъ данный выпускъ (быть первымъ между десятью конкуррентами и — тридцатью, разница значительная);
4. какой баллъ получилъ (въ среднемъ выводѣ) послѣдній изъ воспитанниковъ даннаго выпуска;
5. какой баллъ — первый (для окончившаго курсъ, напр.,

третьимъ балль 4, 5 блестящая аттестація, если первый и второй окончили курсъ со среднимъ балломъ 4,625; но она получаетъ уже другой колоритъ, если первый и второй имѣютъ балль 5);

6. и каковъ средній балль курса;

7. не указывается суммы мѣсть, которыя занималъ воспитанникъ въ продолженіе всего семинарскаго курса (ступенъ семинаріи, окончившій курсъ первымъ и имѣющій сумму мѣсть только 6, очевидно рекомендуетъ себя какъ величину вполне устойчивую по крайней мѣрѣ въ составѣ данной конкуренціи; но первый выпускъ съ показателемъ въ видѣ суммы 16 позволяетъ видѣть въ немъ лицо, взнесенное на верхъ можетъ быть случайнымъ „безлюдьемъ“);

8. и того, *crescendo*, *dominundo* или съ неопредѣленными колебаніями занять онъ свое мѣсто въ выпускномъ списокѣ [сумма 37 иначе характеризуетъ окончившаго курсъ третьимъ, если она образовалась изъ датъ (въ послѣдовательномъ порядкѣ классовъ отъ младшаго къ выпускному) $16 \div 5 \div 5 \div 5 \div 3 \div 3$ и если слагаемыя $1 \div 4 \div 10 \div 17 \div 2 \div 3$];

9. нѣтъ наконецъ указаніи, часто весьма важнаго: въ письменныхъ ли работахъ или въ эрудиціи и устныхъ отвѣтахъ семинарское начальство усматриваетъ силу воспитанника?

Словомъ, баллы воспитанниковъ имѣютъ только абсолютное значеніе и не допускаютъ дифференціального ихъ пересчета. Для академій же важна и дифференціальная ихъ зависимость.

66) *Volpa voluntas* семинарскихъ начальствъ, ихъ строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ ими воспитанниковъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Органическаго недостатка семинарскихъ аттестатовъ имѣетъ совсѣмъ другое происхожденіе. Математически точнаго мѣрила для оцѣнки познаній человѣческихъ безспорно нѣтъ и не будетъ. Каждаго человѣка приходится брать вмѣстѣ съ окружающею его средою. Каждый хорошій человѣкъ очень хорошъ, если нѣтъ на лицо еще лучшаго. Составъ конкуренціи неизбежно вліяетъ на оцѣнку конкурентовъ. Безукоризненно строгій преподаватель твердою рукою пишетъ первымъ имя *XX*, зная, что этотъ воспитанникъ всегда прилеженъ; знаній у него достаточно, отвѣты его всегда дѣльны, хотя даются медленно, съ паузами на предварительное размышленіе. Будь на лицо *MM* съ тѣми же достоинствами, но безъ этой вѣлости конценціи, и питомцу *XX* пришлось бы занять уже второе мѣсто.

Въ виду всего этого, семинарское начальство оцѣниваетъ студента семинаріи лишь въ составѣ данныхъ курсовъ, не имѣя возможности сравнить его съ тѣми конкурентами изъ другихъ семинарій, рядомъ съ которыми онъ является предъ академическими коммиссіями повѣрочныхъ испытаній. И когда въ экзаменаціонномъ списокѣ оказывается балль 3 противъ

имени того воспитанника, познанія котораго по данному предмету въ семинарскомъ аттестатѣ оцѣнены полнымъ ѿ; то является неустрашимый и неразрѣшимый вопросъ, который изъ балловъ ошибоченъ? первый ли, вслѣдствіе ошибочнаго впечатлѣнія отъ перваго знакомства? или второй, обязанный своимъ происхожденіемъ тому, что семинарія лишена была возможности сопоставить своего питомца съ конкурентами болѣе сильными?— Практически эта трудность обходится, такъ какъ оба балла входятъ въ счетъ при составленіи таблицы и списка. Но остается неустрашимымъ тотъ фактъ, что ни семинарскій аттестатъ, ни повѣрочныя испытанія не даютъ Академическимъ Совѣтамъ такихъ цифръ, на итогъ которыхъ можно было бы смотрѣть, какъ на непоколебимое твердое основаніе для окончательнаго сужденія о томъ, достоинъ или нѣтъ данный воспитанникъ казеннокоштной вакансіи.

Академическій Совѣтъ не имѣетъ нравственнаго права отречься отъ того возрѣнія, что съ каждымъ годомъ въ его распоряженіи оказывается все болѣе данныхъ для оцѣнки студентовъ, что съ каждымъ курсомъ студенты становятся все лучше извѣстны своему пачальству. Но воспользоваться этимъ новыми данными на пользу хорошихъ студентовъ въ вопросѣ, для нихъ часто весьма серьезномъ, Совѣтъ академіи не имѣетъ теперь возможности. Если произошла ошибка въ спискѣ, составленномъ послѣ повѣрочныхъ испытаній, то послѣдствіями ея студенты слабые имѣютъ полную возможность безнаказанно пользоваться четыре года. Отъ тѣхъ же послѣдствій четыре года должны страдать дѣльные, трудолюбивые студенты, вынужденные каждый годъ считаться съ вопросомъ: откуда взять имъ средствъ на свое содержаніе.

Въ виду всего этого представляется цѣлесообразнымъ, если Совѣтъ Спб. духовной академіи раздѣляетъ выше изложенныя возрѣнія, обратиться къ его высокопреосвященству съ прошеніемъ о ходатайствѣ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи Совѣту Спб. духовной академіи (по крайпей мѣрѣ въ видѣ временнаго опыта) производить каждый годъ распределеніе казеннокоштныхъ вакансій между тѣми студентами, которыхъ Совѣтъ на основаніи результатовъ годичныхъ испытаній признаетъ болѣе достойными этого отличія.

Правда, казеннокоштные студенты даютъ обязательство прослужить определенное количество лѣтъ въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. Но жизнь уже сложилась такимъ образомъ, что это обязательство составляетъ теперь привилегію, достигающуюся въ удѣлъ немногимъ избраннымъ. Чести служить въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ ищутъ, и кто разъ получилъ назначеніе, тотъ не спѣшитъ выйти въ отставку по истеченіи обязательнаго срока, а продолжаетъ службу по прежнему. Предлагаемая мѣра только

замѣтитъ въ рядахъ ищущихъ чести служить по духовно-учебному вѣдомству такихъ лицъ, въ достоинствахъ которыхъ академія сомнѣвается, лицами, этой чести болѣе достойными“.

Все эти наблюденія и положенія Василія Васильевича, Совѣтомъ академіи были безспорно поняты и на основаніи ихъ составлены и съ 1895 года введены въ жизнь академіи правила о распредѣленіи казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами соотвѣтственно оказаннымъ ими успѣхамъ по окончаніи каждаго учебнаго года. На практикѣ эти правила уже принесли свои плоды.

Но и помимо отысканія истиннаго критерія при распредѣленіи казенныхъ вакансій, эти наблюденія Василія Васильевича имѣютъ еще то значеніе, что раскрываютъ передъ нами психологію экзаменатора и экзаменующагося и уясняютъ значеніе семинарскаго аттестата поступающихъ въ академію. Каждый студентъ принимается въ академію не иначе, какъ по выдержаніи повѣрочнаго испытанія. Но въ результатъ этого испытанія иногда бываетъ, что воспитанникъ, пристанный и на казенный счетъ и имѣющій высокіе баллы въ аттестатѣ, оказывается недостойнымъ поступленія въ академію, или же хотя и выдерживаетъ испытаніе удовлетворительно, но не займетъ въ спискѣ сравнительно высокаго мѣста, которое давало бы ему право на казенную стипендію. Устранить подобныя явленія, при конкуренціи множества являющихся въ академію на повѣрочныя испытанія, два ли возможно. Отмѣнить самыя пріемныя экзамены и принимать въ академію по семинарскому аттестату невозможно въ силу несовершенствъ этого аттестата, указанныхъ Василіемъ Васильевичемъ. Ослабленіе же требованій на пріемныхъ экзаменахъ со стороны академіи повлекло бы за собою пониженіе и академическаго образованія. Повѣрочныя испытанія обезпечиваютъ для академій выборъ сравнительно лучшихъ воспитанниковъ, которыхъ они готовятъ въ послѣдующее время для полезнаго служенія церкви и отечеству. Единственно возможнымъ изъ этого положенія, кажется только такой выходъ чтобы семинарскія начальства при выборѣ воспитанниковъ въ составъ академическихъ курсовъ руководствовались не одними только общими формальными къ этому требованіямъ, а имѣли нравственную увѣренность въ способности выбираемыхъ къ высшему образованію; со стороны же академій для этого необходимо тщательное производство пріемныхъ испытаній.

чтобы экзаменующіе получали твердое основаніе для рѣшительнаго заключенія о познаніяхъ поступающаго въ академію. Въ этомъ отношеніи для академій образцомъ экзаменатора можетъ служить Василій Васильевичъ.

Какъ тщательно и добросовѣстно испытывалъ онъ познанія поступающихъ въ академію, особенно въ случаѣ неудачаго отвѣта экзаменующагося, объ этомъ наглядно свидѣлствуютъ его отчеты объ этихъ испытаніяхъ¹⁾. Здѣсь же приведемъ описаніе лишь одного экзамена Василія Васильевича, сдѣланное имъ самимъ въ одномъ изъ непечатавшихся его отчетовъ.

„Студенту N предложено было сказать, пишетъ Василій Васильевичъ, — о „реформаторскихъ соборахъ“. Онъ началъ свой отвѣтъ рѣчью „о реформациі Лютера“. Когда ему указано было, что онъ отвѣчаетъ не на вопросъ, онъ не могъ поправиться и пастолько, чтобы перечислить соборы, задававшіеся вопросомъ о преобразованіи римско-католической церкви во главѣхъ и членахъ. Тогда ему предоставлено было говорить о реформациі Лютера. Но изъ частныхъ вопросовъ выяснилось, что и этотъ отдѣлъ экзаменующагося въ подробностяхъ неизвѣстенъ. Онъ, между прочимъ, не могъ отвѣтить на вопросъ: гдѣ Лютерь предсталъ на судъ предъ государственною властію и какъ относился къ нему императоръ? Тогда ему предложено сказать о VII вселенскомъ соборѣ. Г. N. оказался не въ состояніи назвать главныхъ дѣятелей на этомъ соборѣ и изложить ходъ его дѣяній. Въ виду того, что экзаменующійся ранѣе, отвѣчая на вопросы о Лютерѣ, сказалъ, что дѣло этого реформатора разсматривалось въ Констанцѣ, теперь ему предложено было сказать что нибудь о констанцкомъ соборѣ, — въ той надеждѣ, что эту страничку церковной исторіи онъ припомнитъ нѣсколько яснѣе, чѣмъ остальные. Но г. N не могъ назвать даже имени того лица, которое было осуждено и сожжено въ Констанцѣ. Тогда ему предложены были вопросы: какия онъ знаетъ неправославныя восточныя церковныя общества? Такъ какъ онъ затруднялся назвать ихъ, то ему предложено было искать ихъ за Кавказомъ и начать съ перечисленія народностей, живущихъ за кавказскимъ хребтомъ. Не безъ колебанія онъ назвалъ грузинъ и призналъ ихъ православными; но, какъ оказалось, съ именемъ Грузинъ не связано было у него никакого этнографическаго представленія: языкъ грузинъ онъ считалъ близкимъ къ русскому. Кто живетъ далѣе къ югу отъ грузинъ, г. N не могъ сказать. Даже и имя „Эчмιάδιци“ не напомнило ему ничего.

¹⁾ См. Журналы засѣданій Совѣта Спб. д. а. за 1881 г., стр. 25—26; 1885 г., стр. 30—33; 1887 г., стр. 35—36; 1890 г., стр. 31—35; 1893 г., стр. 74—76; 1896 г., стр. 86—90; 1897 г., стр. 49—52; 1899 г., 26—29.

На прямо поставленный вопрос: какого вѣроисповѣданія армяне? г. Н въ концѣ концовъ отвѣтилъ, что они склопятся къ ереси Несторія.“

IV.

Неизмѣненъ былъ Василій Васильевичъ въ этомъ отноше- ній къ студентамъ и во время прохождения ими академиче- ского курса. Стремленіе оцѣнить каждого студента по достоин- ству и быть въ этомъ дѣлѣ вполнѣ безпристрастнымъ состав- ляло отличительную его черту. Насколько онъ былъ безпристра- ственъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что при оцѣнкѣ студенче- скихъ семестровыхъ сочиненій, онъ, состоя въ комиссіи по повѣркѣ счисленія балловъ, не считалъ возможнымъ имѣть у себя подъ руками табели студенческихъ устныхъ балловъ и ихъ разрядные списки. Въ академическомъ архивѣ за 1897 г. сохранилось письмо Василія Васильевича къ секретарю Совѣта академіи, которое свидѣтельствуетъ объ этомъ съ безпристра- стіи; въ этомъ письмѣ Василій Васильевичъ, между прочимъ, писалъ:

„На конецъ августа и начало сентября у меня выпала возня съ бумагами, относящимися къ старокатоликамъ. Это— вещь не терпящая отлагательства. И большая часть сочине- ній I курса у меня еще не прочитаны. Вотъ почему о пе- реводѣ ихъ въ слѣдующій курсъ нельзя еще вести рѣчи. Сколько помню, постановленіе Совѣта о нихъ предполагаетъ именно конецъ сентября терминомъ для ихъ перевода. Во всякомъ случаѣ фактъ есть фактъ: баллы у меня еще не го- товы. Табели возвращаю. Возможность заглядывать въ Вашу табель помѣщаетъ *строгости работы*, самостоятельности мо- его списка“.

Опытная рука Василія Васильевича твердо вела студентовъ къ истинному знанію и свѣту. Онъ и мысли не допускалъ, чтобы студентъ тратилъ дорогое время на неподходящія для него занятія и въ необходимыхъ случаяхъ всегда предупреж- далъ ихъ объ этомъ. Даваемая имъ темы для семестровыхъ и кандидатскихъ сочиненій полны необходимыхъ для студента указаній и предупрежденій о томъ, чего нужно избѣгать при изслѣдованіи извѣстнаго вопроса. Напр., въ ноябрѣ 1897 г., когда студентамъ I курса были даны для второго семестра двѣ темы, касавшіяся 1) сравнительной важности періодовъ цер- ковной исторіи для членовъ православной россійской церкви и 2) миссіонерской дѣятельности помѣстныхъ церквей.—Васи-

лій Васильевичъ; сдѣлавъ студентамъ соотвѣтствующее разъясненіе этихъ темъ, писалъ къ нимъ при выдачѣ темъ слѣдующее предупрежденіе:

„Г.г. студентовъ прошу не тратить времени на чтеніе какихъ бы то ни было книгъ или статей, яко бы „пособій“ для обсужденія вопросовъ, поставленныхъ въ темахъ. Здоровые люди въ костыляхъ не нуждаются, и выдавать себѣ *testimonium paupertatis* нѣтъ никакой надобности. Ожидается продуманный и литературно изложенный отвѣтъ на основаніи лишь того матеріала, который содержится въ семинарскомъ учебникѣ“.

Эта заботливость Василя Васильевича о студентахъ проявлялась къ нимъ не только при учебныхъ и научныхъ ихъ занятіяхъ, но и по окончаніи ими академическаго курса, когда каждому приходилось устраивать свою судьбу. Для характеристики доброй и заботливой души Василя Васильевича мы имѣемъ возможность, благодаря любезности одного изъ окончившихъ курсъ академіи кандидатовъ, подѣлиться съ читателями содержаніемъ письма Василя Васильевича къ этому кандидату. Вотъ что писалъ къ нему Василій Васильевичъ:

„Милостивый Государь

А. П.!

Одно случайное знакомство съ коллегою-присяжнымъ въ текущую сессію въ Окружномъ судѣ даетъ мнѣ пріятную возможность сдѣлать Вамъ предложеніе— конечно для Васъ неожиданное: не угодно ли Вамъ *габилитироваться* на должность чиновника (если не ошибаюсь) канцеляріи министра финансовъ? Требуется лицо извѣстной нравственной и научной выдержки, владѣющее недурно перомъ, могущее читать *по англійски и французски* (знакомство и съ другими языками конечно препятствія не составляетъ). Подъ нравственной и научной выдержкой и разумію, прежде всего, *en trois*, то развитое чувство долга, которое не позволяетъ чловѣку, исчерпавъ извѣстный источникъ лишь на одну треть, напримѣръ, излагать его содержаніе какъ будто опъ уже изучилъ весь. И т. п. — Разумѣется само собою, что и по англійски и по-французски Вы будете читать не безъ помощи лексикона. Ничего не имѣютъ и противъ того, если Ваше произошеніе по-французски способно повергнуть парижанина въ обморокъ. Предполагается само собою, что Васъ будутъ Вашимъ обязанностямъ еще учить, и моя рекомендація, что Вы—не *docuus*, но *docilis*, и что Ваше сочиненіе даетъ мнѣ право поручиться, что Вы умѣете извлекать изъ литературныхъ источниковъ требуемые факты, — признается достаточною для постановки Вашей кандидатуры.

Уже все сказанное говорить Вамъ, что дѣло идетъ о постѣ чиновника *suī generis*, что Вамъ не придется заниматься только отписками да приказами. Если вы займете предлагаемое мѣсто, Вы сдѣлаетесь участникомъ въ осуществленіи грандіозной идеи С. Ю. Витте—создать научное справочное бюро по вопросамъ, которые могутъ интересовать министерство финансовъ. Дѣло и живое (въ смыслѣ его наличнаго интереса) и свѣжее (въ смыслѣ новизны). Вашею главною обязанностью будетъ чтеніе газетъ и журналовъ, откуда Вы будете извлекать всѣ сообщенія по тому уголку Востока, который поручать Вашему вниманію. Что вопросы экономическіе въ Вашихъ рефератахъ должны играть первенствующую роль, Вы понимаете и сами. Если Ваши работы заслужатъ Вамъ довѣріе Вашего начальства, Вамъ вѣроятно поручатъ нѣсколько восточныхъ странъ на правахъ командира отдѣльной части, и для Васъ откроется возможность—стать чрезъ нѣсколько лѣтъ специалистомъ въ этомъ отдѣлѣ, т. е. величиною и цѣпною и цѣпимою. Конечно, около трехъ мѣсяцевъ Вы должны будете числиться прикомандированнымъ, т. е. служить безъ жалованья. Но такъ какъ самый низшій штатный окладъ, который существуетъ для младшихъ чиновниковъ, равенъ 1800 руб. въ годъ,—это, полтора доцента академіи,—то очевидно, что эти трехмѣсячные протори—не убытки. Такъ какъ—даже и во время службы—Вамъ будетъ предоставлено *ad libitum*—изучать ли подлежащіе журналы и газеты въ канцеляріи или у себя на квартирѣ (требуется только дѣльная и добросовѣстная работа), то Вашъ непосредственный начальникъ *in spe* настолько любезенъ, что предлагаетъ послать Вамъ пробную работу даже въ Я—скую губернію. Но я боюсь, что въ Диевомъ Городицѣ Вы бѣдны всякими лексикальными (или и грамматическими) пособіями какъ Робинзонъ на необитаемомъ островѣ. Поэтому было бы лучше габилитацію привести въ Петербургъ.

Рѣшайте и—поскорѣе.

Къ моей досадѣ, изъ моей памяти улетучился Вашъ отвѣтъ на мой случайный вопросъ о Вашемъ положеніи по воинской повинности. Если этотъ пунктъ не мѣшаетъ Вамъ стать чиновникомъ, то можетъ быть не помѣшаетъ и ничто другое. Отъ поваго предѣдателя учебнаго комитета, П. А. Смирнова, можно ожидать настолько человѣколюбивъ, что Вамъ не захотятъ вредить назначеніемъ въ какое нибудь бугуруслапское училище на географію и ариомстику.

Можетъ быть жалъ разстаться съ кругомъ интересовъ только богословскихъ и научныхъ? Но что же дѣлать? И притомъ и тамъ Васъ ждутъ интересы скорѣе похожіе на научные, чѣмъ на канцелярскіе.—А можетъ быть и министерство финансовъ представляется слишкомъ большимъ скачкомъ въ неизвѣстность? Въ успокоеніе Ваше скажу,

что туда требуют именно нашего брата-семинариста,—т. е. типъ исторически испытанной прочности какъ по дѣловитости, такъ и по способности къ добросовѣстному труду. И Вашъ ближайшій начальникъ,—доцентъ восточнаго факультета здѣшняго университета, самъ бывшій семинаристъ и студентъ (Кіевской) дух. академіи. Пожалуйста не медлите отвѣтомъ.

Если бы—чего (надѣюсь) не случится — какія-нибудь обстоятельства побудили Васъ отклонить это предложеніе, можете отвѣтить (если Ваше мѣстопробываніе не представляетъ чрезмѣрныхъ затрудненій) даже только короткою телеграммою: „нѣтъ“. Съ наилучшими пожеланіями Вамъ В. Болотовъ“.

Письма Василя Васильевича являются богатымъ матеріаломъ для характеристики его личности. Онъ и въ частныхъ письмахъ, которыхъ было не мало, имѣлъ обыкновение принципиально высказываться по вопросамъ науки и жизни. Нѣкоторыя изъ его писемъ, особенно по ученымъ вопросамъ доходили до колоссальныхъ размѣровъ (до 50 листовъ). Въ высшей степени желательно видѣть этотъ матеріалъ собраннымъ и напечатаннымъ. Академія, задавшаяся цѣлю, послѣ устройства памятника Василю Васильевичу, увѣковѣчить его имя еще какимъ-либо инымъ достойнымъ способомъ, явилась бы наилучшимъ центромъ, куда бы могли быть направлены все эти письма для изданія въ печати. Если не все изъ нихъ въ настоящее время удалось бы напечатать, то для исторіи академическихъ дѣятелей они не остались бы безслѣдными.

V.

Дѣятельность Василя Васильевича по организаціи учебнаго дѣла въ академіи была проникнута искреннимъ душевнымъ его расположеніемъ къ студентамъ и стремленіемъ возбудить въ нихъ научный интересъ къ занятіямъ. Воплотивъ владѣя своей наукой и постоянно стремясь къ возвышенію ея въ академіи до высоты современнаго состоянія, онъ не упускалъ изъ виду фактической стороны студенческой жизни и, по указаніямъ опыта, изыскивалъ мѣры къ удовлетворенію ближайшихъ потребностей ея. Заботы объ улучшеніи учебнаго дѣла, какъ академическаго, такъ и семейскаго,—съ цѣлю дать учащимся совершенные способы усвоенія науки, — не покидала его въ теченіе всей его жизни.

Самое чтеніе лекцій Василю Васильевичу располагать такъ, чтобы студенты могли не только слушать, но и записать слы-

шанное. Отсюда его лекціи, бывшія верхомъ совершенства по существу, являлись и по вѣншей формѣ изложенія образцовыми и легко воспріемлемыми и для слуха и для записи студентами—не стенографами. Въ 1897 году Василій Васильевичъ на эту свою заботу—дать студентамъ—не стенографамъ возможность набросать черповую записъ хотя главныхъ мыслей лекціи—указывалъ въ своемъ официальномъ отчетѣ, какъ на одну изъ причинъ, почему академическая программа по общей церковной исторіи не можетъ быть выполнена въ одинъ годъ ¹⁾). Въ этомъ отчетѣ на вопросъ: «почему программа невыполнена», онъ писалъ:

„Программа не могла быть выполнена по недостатку времени.

Въ разъясненіе этой причины имѣю честь обратить вниманіе его преосвященства преосвященнѣйшаго ректора и Совѣта академіи на слѣдующіе два пункта:

1) Я, какъ почти всѣ преподаватели, имѣю въ своемъ распоряженіи (для каждаго академическаго курса) лишь 4 недѣльныхъ урока. Между тѣмъ въ 1876—78 гг. на историческомъ отдѣленіи общая церковная исторія въ границахъ программы, мною составленной, излагалась (двумя профессорами) на 7 недѣльныхъ урокахъ, и даже такого ихъ количества оказывалось едва достаточно.

2) Четыре недѣльныхъ урока составить около 104 лекціи на курсъ, т. е. до 95¹/₂ часовъ времени. При лекціонномъ чтеніи, рассчитанномъ на то, чтобы дать студентамъ (не стенографамъ) возможность набросать черповую записъ хотя главныхъ мыслей, я произношу около 43.280 буквъ въ часъ; т. е. мой курсъ представляетъ около 4.125.000 буквъ. Семинарскій учебникъ Е. Смирнова (курсъ III и IV классовъ, изданіе пятое, Спб. 1889 г., 484 страницы; курсъ V класса, изданіе четвертое, Спб. 1886 г., 189 страницы) представляетъ изъ себя до 1.274.000 буквъ. Такимъ образомъ мой курсъ по объему слишкомъ въ 3 раза больше учебника Е. Смирнова. Но изложить *всю* мою программу въ объемѣ *лишь въ 3 раза* превышающемъ изложеніе учебниковъ Е. Смирнова я считаю научно невозможнымъ (стоитъ лишь припомнить, что учебникъ ведетъ свое дѣло не приводя оснований; а

¹⁾ Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 10 апрѣля 1895 года, за № 1570, было поручено наставникамъ Академіи составить программы по своимъ предметамъ, а потомъ, когда эти программы были утверждены Святѣйшимъ Синодомъ, академическимъ Совѣтамъ было предписано наблюдать, чтобы наставники академіи выполняли эти программы въ теченіи учебнаго года; въ противныхъ же случаяхъ—отмѣчать въ своихъ отчетахъ, почему программа не выполнена.

между тѣмъ эти основанія т. е. содержаніе первоисточниковъ, если не изложить ихъ съ коасдры, *практически* останутся студентамъ недоступны). Вотъ почему, при наличныхъ возможностяхъ, т. е. при 95¹/₂ часахъ, я считаю дѣлесообразнымъ предлагать своимъ слушателямъ лишь *capita selecta* изъ моей программы. При этомъ я, по мѣрѣ возможности, стараюсь восполнить возникающіе пробѣлы¹⁾.

Въ дѣлѣ облегченія студентовъ при усвоеніи ими лекцій, думаюсь, естественнѣе всего было бы для Василія Васильевича освободить студентовъ отъ утомительнаго труда записей и выдавать имъ лекціи въ литографированномъ видѣ²⁾. И это тѣмъ болѣе было возможно, что лекціи Василія Васильевича во всѣхъ отношеніяхъ были совершенными. во всѣхъ частяхъ были на высотѣ современнаго состоянія преподаваемой имъ въ академіи науки и полный ихъ курсъ давалъ отчетливое представленіе о всей наукѣ «древней общей церковной исторіи». Но Василій Васильевичъ на этотъ предметъ держался иныхъ взглядовъ. На литографированіе лекцій онъ смотрѣлъ какъ на комфортъ, который изнѣживаетъ людей и которымъ Василій Васильевичъ самъ въ жизни не пользовался. Онъ учился въ академіи въ то время, когда «не практиковалась, за единичными исключеніями, выдача готовыхъ лекцій самими профессорами»³⁾. По свидѣтельству одного изъ его товарищей, «каждую профессорскую лекцію онъ исправно посѣщалъ, внимательно выслушивалъ и, кромѣ того, записывалъ лекціи для себя, не надѣясь на официальныхъ записчиковъ»³⁾. Будучи же профессоромъ, Василій Васильевичъ придавалъ весьма большое значеніе этимъ студенческимъ записямъ, какъ труду, способствующему самостоятельному изученію ими предмета.

Этотъ свой взглядъ онъ изложилъ въ своемъ проектѣ о литографированіи лекцій и конспектовъ. Здѣсь Василій Васильевичъ подробно разбираетъ и взвѣшиваетъ всѣ основанія разсматриваемаго вопроса и со свойственною ему убѣдительно-

¹⁾ По существующимъ для духовныхъ академій постановленіямъ литографированіе академическихъ лекцій дозволено только самимъ наставникамъ академій, не дѣлая для нихъ обязательнымъ продажи этихъ лекцій наравнѣ съ книгами. Указъ Св. Синода, отъ 31 декабря 1870 г. № 2841.

²⁾ С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ, 1901 г. № 15, Прот. *Н. Дроздовъ*: „Къ годовщинѣ смерти В. В. Болотова“.

³⁾ Тамъ же, № 15, стр. 172.

стію доказывають значеніє студенческихъ записей на лекціяхъ. Вотъ что писалъ онъ въ этомъ проектѣ:

„Литографированіе лекцій, т. е. болѣе или менѣе точныхъ записей слышаннаго въ аудиторіи, — сравнительно недавнее явленіе въ жизни С.-Петербургской духовной академіи. Но и въ истекшіе четыре года выказались нѣкоторыя довольно устойчивыя черты въ этой новой практикѣ, которыя и нуждаются въ урегулированіи.

1. Литографіи — если взглянуть на это явленіе просто и непосредственно, представляютъ не болѣе какъ средство для цѣли. И эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы во время приготовленія къ экзамену каждый студентъ имѣлъ подъ рукою по экземпляру изучаемаго и потому могъ готовиться, когда, гдѣ и какъ ему угодно. Слѣдовательно, это комфортъ, облегчающій наилучшее запоминаніе изучаемаго, но комфортъ не однимъ § дѣйствующаго Устава не предусматриваемый, какъ нѣчто долженствующее быть.

2. Исторически новая практика явилась на смѣну той, по которой студенты слушали лекціи и потомъ должны были отвѣчать на экзаменахъ, готовясь къ нимъ по чему угодно. Эту чисто домашнюю заботу студенты улаживали тѣмъ, что на 12—15 человекъ заготавливали одинъ рукописный экземпляръ лекцій и прочитывали ихъ предъ экзаменомъ, составляя для этого изъ себя особыя группы. Въмѣсто комфорта стояло слѣдовательно умѣнье довольствоваться малымъ.

3. Это чисто домашнее заготовленіе лекцій имѣло одну сторону столь почтенную, что утратить этотъ факторъ академическаго образованія думаю — было бы жаль. Слѣдуетъ припомнить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти записи не были поправимы преподавателями, — обстоятельство, придающее этому домашнему дѣлу не незначительную цѣнность. Въ наивысшей степени являются образовательнымъ средствомъ академическія чтенія именно тогда, когда они только возбуждаютъ къ самостоятельному изученію предмета студентомъ, руководствуютъ его въ этомъ, а не замѣняютъ его въ глазахъ самой науки. Требовать, чтобы каждый студентъ внесъ свой *pensum* самостоятельнаго изученія въ каждую науку въ ея цѣломъ, было бы конечно невозможно, но вполнѣ возможно желать, чтобы каждый студентъ попыталъ свои силы въ *такое* усвоеніи какого нибудь отдѣла каждой науки. Необходимость — „составить лекціи“ и бывала поводомъ къ такому изученію: неточныя черковыя записи чтеній, неясно усвоенныхъ, приходилось *иногда* пополнять „составителю“ чтеніемъ относящихся къ дѣлу книгъ. А благородное чувство товарищества, тяжелая нравственная отвѣтственность, которая падала на „составителя“ плохо отбывшаго свою очередь въ томъ случаѣ, когда „по его милости“ другой „провалился“ на экзаменѣ, — это было стиму-

муломъ — относиться къ „составленію“ лекцій серьезно и добросовѣстно. Правда, такъ вести дѣло, т. е. чтеніемъ пополнять недочеты своихъ набросковъ, составителямъ приходилось только *иногда*. Но пѣтъ основаній воздерживаться отъ пожеланій, чтобы такъ было и *всегда*.

4. Смысль экзаменскихъ итоговъ теперь и прежде былъ довольно различный. Прежде студенты шли на экзаменъ съ тѣмъ, что — въ известной степени — было ихъ коллективнымъ духовнымъ достояніемъ, и отличные результаты экзамена нужно было довольно полно ставить на счетъ дѣятельности курса въ его совокупности. Теперь такіе же результаты говорить только о способностяхъ экзаменовавшихся — каждаго въ отдѣльности, — но ничего не даютъ для заключенія объ умственной жизни курса во всѣ учебные мѣсяцы.

5. Худшая сторона дѣла дать себя знать въ пониженіи качественнаго уровня нѣкоторыхъ записей. Въ этомъ „составленіи“ лекцій „какъ пибудь“ сказывается очевидно увѣренность, что недостающее будетъ дополнено инымъ болѣе компетентнымъ работникомъ.

6. Оправданіемъ пылѣвшей практики, — каковы бы ни были ея недостатки, — могло бы служить то обстоятельство, что Уставъ 1884 года увеличилъ число предметовъ общеобразовательныхъ и для пылѣвшихъ студентовъ гораздо труднѣе, чѣмъ для прежнихъ, держать курсъ своихъ занятій на должной высотѣ. Не слѣдуетъ однако смѣшивать при этомъ двухъ различныхъ фактовъ: что студентамъ теперь стало труднѣе готовиться къ экзаменамъ (предметовъ, а слѣдовательно и экзаменовъ, стало *счетовъ* больше), это можно еще не оспаривать; но нельзя допустить — а объ этомъ только и идетъ рѣчь — что теперь студентамъ стало гораздо труднѣе заниматься въ теченіе всего года. Plus составляетъ только проповѣдь. Въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ обязанностямъ все осталось по-прежнему, и предполагаемая трудность есть иллюзія, невыдерживающая столкновенія съ ниже слѣдующими цифрами:

Академическій учебный годъ слагается изъ 160 дней, или 640 лекцій ¹⁾. Изъ 24 лекцій въ недѣлю на I курсѣ 4 приходится на языки, 12 слушаются совместно со II курсомъ и лишь 8 (максимум) должны быть „составлены“ только на I курсѣ. Въ годъ это дастъ 107 лекцій по языкамъ, 213 лекцій

¹⁾ Учебное время, 1 сентября—30 апрѣля, 242 дня. Вычестъ: а) 34 воскресные дня; б) 12 праздниковъ (изъ 15 годовыхъ около 3 падаютъ на воскресныя) и в) 3 вакаціи:

242	34	16—2
—82	12	11—2
<hr/>	<hr/>	<hr/>
160 дней.	36	16—3
	82.	43 дня—7 воскресныхъ

для I курса отдѣльно и 320-совмѣстно со II курсомъ. Слѣдовательно прежде существовавшая практика на I курсѣ налагала бы трудъ „составленія“ 373 лекцій, что— при составѣ курса въ 40 человѣкъ — даетъ 9,33 лекціи на каждого студента въ 242 дня, или I лекцію въ 25,93 дней. Если принять при этомъ во вниманіе, что каждый студентъ не имѣетъ физической возможности каждый день заниматься семестровымъ сочиненіемъ (книгъ въ библіотекѣ для этого недостаточно); то мысль объ особыхъ трудностяхъ для занятій въ теченіе учебныхъ мѣсяцевъ представитъ въ истинномъ свѣтѣ ¹⁾.

7. Нынешняя практика представляетъ собою переложеніе натуральной ловишности въ денежную и—отчасти—обращеніе первой на другія лица.

8. Позволяю себѣ не останавливаться серьезно ни на томъ,

а) что литографированными по настоящему лекціями можно злоупотреблять,

ни на томъ,

б) что преподаватель, отлитографировавшій полный курсъ, оказался бы въ щекотливомъ положеніи чтеца—грамотея передъ грамотными.

Эта послѣдняя щекотливость скорѣе психологическаго, чѣмъ логическаго свойства; а плагиаты во всякомъ случаѣ представляютъ рѣдкость.

9. Summa summarum доводовъ противъ литографій для меня заключается въ томъ, что всякій ученый имѣетъ и право и обязанность беречь свое свободное время и не расходовать его непроизводительно. А литографическое изданіе курса—среднимъ числомъ въ 55 лекцій—потребуетъ отъ cadaго на исправленіе рукописи и цензорское прочтеніе литографированнаго листа до 200 часовъ.

10. И эта затрата отличается періодическимъ характеромъ. Лекціи считаются собственностью литографировавшихъ студентовъ и увозятся ими. Литографированіе (а слѣдовательно и чтеніе въ депозитномъ отношеніи) приходится возобновлять всякій разъ, какъ приходится возвращаться къ данному отдѣлу курса.

11. Это послѣднее неудобство было бы утрачено радикально, если бы Совѣту угодно было постановить: литографированныя экземпляры обязательно въ полномъ количествѣ экземпляровъ поступаютъ въ собственность Академической библіотеки.

¹⁾ По расчету: 1 экземпляръ=12 студентовъ, на курсъ потребовалось бы еще 2292 копей, что даетъ не болѣе 57,3 копѣй (minimum 46.5) на 1 студента.

12. Такая мѣра имѣла бы своимъ дальнѣйшимъ слѣдствіемъ: во-первыхъ то, что послѣдующіе курсы избавлены были бы отъ лишнихъ трагъ;

во-вторыхъ то, что подготовку къ экзаменамъ можно было бы поставить правильно: экземпляръ лекцій, который теперь является у студентовъ лишь за нѣсколько дней до экзамена, тогда былъ бы къ ихъ услугамъ съ самаго начала учебнаго года; тогда они могли бы начать подготовку за столько мѣсяцевъ, за сколько сочтутъ удобнымъ; тогда можно бы поставить вопросъ о рѣшительномъ устраненіи всякихъ палативъ въ родѣ конспектовъ на экзаменѣ.

13. А псеудобства, сопровождающія изданіе полного курса, выше (8, б) указаннаго, было бы возможно устранить, допустивъ къ литографированію вмѣсто полныхъ записей лекцій только сокращенное ихъ изложеніе, которое могло бы лежать въ основѣ всякаго курса, болѣе или менѣе расширеннаго.

14. Не могу, однако, скрывать, что введеніе въ практику этой послѣдней мѣры требовало бы, чтобы Совѣтъ предварительно рѣшилъ, какъ смотрѣть на эти сокращенныя записи:

а) Совѣтъ или признаетъ эти compendia за *examinatoria*, т. е. обяжетъ экзаменаторовъ признавать за *отличный* всякій отвѣтъ, въ предѣлахъ этихъ сокращенныхъ записей безукоризненный, т. е. всякій отвѣтъ, который предполагаетъ отличное знаніе этихъ compendia, хотя и не обнаруживаетъ знакомства съ читаннымъ въ данный годъ подробнымъ курсомъ;

б) или же отличной отмѣтки по прежнему будетъ требоваться основательное знаніе всего того, что было читано въ аудиторіи.

Въ случаѣ этого послѣдняго рѣшенія, эти compendia студентовъ ни отъ чего не освободятъ и труда имъ не облегчатъ. Каждый ли для себя, всѣ ли вмѣстѣ, но они должны будутъ вести дополнительную рукописную запись. А такъ какъ курсъ естественно будетъ содержать раскрытіе всего содержимаго въ сокращенномъ экстрактѣ, а не дополненіе только его новыми отдѣлами; то эти записи и примутъ—по прежнему—видъ курсовъ и по этимъ рукописнымъ записямъ лучшіе студенты и будутъ—попрежнему—готовиться къ экзаменамъ. Словомъ, рѣшеніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ въ дѣйствительности не рѣшило бы ничего ¹⁾.

Въ концѣ проекта Василіемъ Васильевичемъ были поставлены на рѣшеніе Совѣта слѣдующіе вопросы:

1) „не слѣдуетъ ли литографированіе лекцій прекратить вовсе и возстановить прежній порядокъ—рукописныхъ записей, составленныхъ студентами и никакъ не исправляемыхъ—въ полномъ его значеніи?“

2) если нѣтъ, то не слѣдуетъ ли сдѣлать постановленіе, намѣченное въ пунктѣ 11?

¹⁾ Архивъ Совѣта академіи 1888 г., дѣло № 52.

3) если да, то не слѣдуетъ ли сдѣлать постановленіе по смыслу пунктовъ 13 и 14, а?⁴

И Совѣтъ Академіи принялъ этотъ авторитетный голосъ Василя Васильевича и постановилъ не дозволять литографированія записей, составляемыхъ студентами ¹⁾).

Самъ Василій Васильевичъ студенческія записи охотно исправлялъ и до 1889 года позволялъ даже литографировать. Въ настоящее время въ высшей степени желательно видѣть его лекціи напечатанными; но, вѣроятно, въ такой же степени будетъ трудно возстановить ихъ по студенческимъ записямъ. Намъ кажется, что изданіе лекцій Василя Васильевича, если бы оно осуществилось, будетъ теперь лишь показателемъ той степени усвоенія студентами его лекцій, какой они достигали подъ его руководствомъ, но не явится во всей красѣ того совершенства, съ какимъ эти лекціи читались Василіемъ Васильевичемъ въ аудиторіи и съ какимъ онѣ вышли бы изъ подъ редакціи самого Василя Васильевича *).

И. Уберскій.

¹⁾ Журналъ засѣданій Совѣта Спб. духовной академіи за 1888/9 учебный годъ. Спб. 1894 г. стр. 99.

*) Окончаніе будетъ.

Памяти профессора Василя Васильевича Болотова *).

VI.

Одно изъ преимуществъ духовныхъ академій по сравненію съ другими высшими учебными заведеніями въ дѣлѣ образованія составляютъ письменныя работы студентовъ. Каждый студентъ духовной академіи обязанъ въ теченіе академическаго курса написать девять семестровыхъ сочиненій и одно при окончаніи курса на степень кандидата богословія. Эти работы, производимыя студентами подъ руководствомъ академическихъ профессоровъ и будучи правильно поставлены, имѣютъ немаловажное значеніе и въ дѣлѣ общаго развитія каждаго учащагося и въ выработкѣ научныхъ и литературныхъ ихъ способностей. Если по отношенію къ семестровымъ сочиненіямъ нельзя сказать этого во всей силѣ, такъ какъ они пишутся въ короткій срокъ (не болѣе 2 мѣсяцевъ дается времени на каждое сочиненіе), не даютъ студентамъ возможности изслѣдовать вопросъ по академически и носить характеръ обязательной повинности,—то кандидатскія сочиненія несомнѣнно оставляютъ памятный слѣдъ на каждомъ окончившемъ курсъ академіи. Да и самыя сочиненія нѣкоторыхъ кандидатовъ выходятъ столь удачными по своимъ научнымъ выводамъ и талантливыми по своему характеру, что сряду же являются достойными напечатанія. Но духовныя академіи, къ сожалѣнію, не располагаютъ для этого финансовыми средствами, и эти почтенныя работы остаются мертвымъ капиталомъ, полезнымъ

*) Продолженіе. См. июль.

лишь въ будущемъ, какъ рукописный матеріалъ для исторіи нашего духовнаго просвѣщенія.

Дать правильную постановку этой части академическаго образованія составляло и составляетъ одну изъ постоянныхъ заботъ академій. И Василій Васильевичъ падъ этою сторопою академической жизни потрудился не мало, состоя, во 1-хъ, въ 1894 году въ комиссіи по вопросу о семестровыхъ сочиненіяхъ и, во 2-хъ, въ 1896 году по вопросу о тѣхъ измѣненіяхъ въ строѣ академической жизни, которыя по указаніямъ опыта представлялись желательными.

Въ высшія учебныя заведенія не всё поступають по призванію и изъ-за научныхъ интересовъ; нѣкоторые имѣють единственную цѣлю—списканіе внѣшнихъ выгодъ, какія даетъ высшее учебное заведеніе. Отсюда невнимательность къ своимъ академическимъ обязанностямъ и уклоненія отъ падзора дѣлаются неизбѣжными явленіями въ жизни студенчества. Кромѣ того, молодости свойственны порывы, правда, періодическаго характера и ничего тенденціознаго, могущаго компрометировать общее направленіе студенчества въ себѣ не заключающіе. Тѣмъ не менѣе эти явленія служатъ не малымъ тормазомъ академическаго преподаванія. Не лишены, конечно, этихъ тормазовъ и наши духовныя академіи. Для устраненія ихъ академіи не могутъ поступаться своими цѣлями и естественно изыскивають къ предупрежденію ихъ мѣры педагогическаго и дисциплинарнаго характера. Однимъ изъ такихъ тормазовъ въ 90-хъ годахъ миноваго столѣтія въ С.-Петербургской академіи была несвоевременная подача студентами семестровыхъ сочиненій. 1892—3 учебномъ году, напр., при всей вообще строгости въ наблюденіи за подачею студентами семестровыхъ сочиненій, одинъ студентъ III курса ухитрился вовсе не подать своего третьяго семестра и оставался не переведеннымъ въ IV курсъ до 22 декабря слѣдующаго учебнаго года ¹⁾). Бывали иногда и массовыя опаздыванія, по взаимному соглашенію. Наконецъ, когда это явленіе настолько дало о себѣ знать, что пришлось задуматься объ устраненіи его, Совѣтомъ академіи въ 1894 году была составлена комиссія по вопросу о несвоевременной подачѣ студентами семестровыхъ сочиненій, въ которой самое дѣятельное участіе принялъ Василій Василье-

¹⁾ Журналъ Совѣта Спб. духовной академіи за 1893—4 уч. годъ Спб. 1894 г., стр. 129.

вичъ и былъ въ ней такъ сказать творцомъ существующихъ теперь въ С.-Петербургской академіи «правилъ о взысканіяхъ за несвоевременную подачу семестровыхъ сочиненій» ¹⁾.

Личный взглядъ Василія Васильевича на способы устраненія всѣхъ этихъ явленій студенческой жизни, насколько намъ извѣстно, состоятъ въ томъ, что «пынѣшіе студенты цуждаются не только въ педагогической уздѣ, а и въ шпорахъ», какъ говорить иногда самъ Василій Васильевичъ, и что самую радикальную мѣру для этого было бы усиленіе инспекторскаго руководства студентами и, если можно, учрежденіе въ академіи третьяго помощника инспектора. Но своихъ взглядовъ Василій Васильевичъ никому не навязывалъ и по порученію начальства усердно работалъ въ помянутой комиссіи и составилъ правила чисто педагогическаго характера. Эти правила устанавливають дифференціальный характеръ взысканія и исходятъ изъ положенія: «*Si duo idem faciunt, non est idem*», т. е. «лишь по наружности представляются два одинаковыхъ проступка вполнѣ равными; по внутреннимъ же мотивамъ они могутъ быть различны до противоположности». Кроме того, они «направлены къ огражденію лучшихъ студентовъ отъ давленія на ихъ стадный инстинктъ со стороны ихъ товарищей».

Основныя положенія этихъ правилъ кратко изложены самимъ Василіемъ Васильевичемъ въ одной изъ записокъ въ слѣдующемъ видѣ:

1. „Одна часть студентовъ, цвѣтъ между *civies* академіи, должна быть освобождена отъ всякихъ репрессалій.

а) Это—люди, обычно съ умственными чувствованіями достаточно развитыми. Они ясно сознаютъ неудовлетворительность скороспѣлой работы, и желали бы остановиться надъ нею подольше. Ослаблять или притуплять въ нихъ подобныя чувства значило бы дѣлать вредное въ научномъ отношеніи дѣло.

б) Предъ этими студентами Совѣтъ академіи нравственно не безотвѣтственъ: онъ увеличиваетъ часто вдвое противъ нормы составъ курса и тѣмъ самымъ вдвое сокращаетъ для всѣхъ студентовъ срокъ пользования книгами при обработкѣ сочиненій. Между тѣмъ сообразно съ указаніями устава I и II курсы переполены „исторіями“, т. е. предметами, которые не могутъ предлагать темъ теоретическихъ. Извинительно по меньшей мѣрѣ, если лучший студентъ отложить подачу сочиненія до такого времени, когда книги—за ненадобностью

¹⁾ Эти правила напечатаны въ приложеніи къ „Памятной книжкѣ“ Сиб-ской духов. академіи, Сиб. 1900 г. стр. 6—7.

для прочихъ товарищей — будутъ въ его полномъ распоряженіи.

2. Напротивъ, Совѣтъ академіи имѣетъ полное нравственное право требовать, чтобы большинство студентовъ, въ значительной степени обязанное своею численностію той массѣ, которая на поступленіе въ академію не имѣла права и оказалась здѣсь только по милости Его Высокопреосвященства и снисходительности Совѣта, — заявило себя съ наилучшей стороны тѣмъ, что въ его средствахъ. Съ наилучшей стороны оно обычно многого не обѣщаетъ; пусть же оно докажетъ, что безусловно корректно, состоитъ изъ людей неуклонной дисциплины, и строго подчиняется требованіямъ закона и потому всегда аккуратно. Вольности—для артистовъ; ремесленникъ пусть твердо помнитъ свой наугольникъ и — срокъ заказа.

3. Нужно освободить умственную аристократію отъ охлократической тиранніи, дающей первую подъ фальшивымъ флагомъ товарищества.

4. Нужно ослабить заразительность массоваго примѣра и отбить охоту къ сознательнымъ коллективнымъ дѣйствіямъ. Поэтому принципъ: „Divide et impera“.

Выходя изъ этихъ положеній, составленныя Василиемъ Васильевичемъ правила имѣютъ цѣлю выяснить дѣйствительныя причины студенческихъ запаздываній при подачѣ ими семестровыхъ сочиненій, а на случай, когда эти причины окажутся неуважительными, заключаютъ въ себѣ мѣры взысканія въ *простой и сложной* формѣ.

„Взысканіе въ *простой* формѣ, какъ сказано въ этихъ правилахъ (§ 4), состоитъ въ томъ, что, при составленіи разрядныхъ списковъ въ концѣ академическаго года, изъ графы, содержащей *удвоенную сумму* балловъ за всѣ семестровыя сочиненія, вычитается *сумма* просроченныхъ *недѣль*, или что то же — баллъ просроченнаго сочиненія по распоряженію Правленія понижается секретаремъ на 0,5 за каждую пропущенную недѣлю. Взысканіе въ *сложной* формѣ состоитъ въ томъ, что, при составленіи разрядныхъ списковъ въ концѣ академическаго года, изъ графы, содержащей *удвоенную сумму* балловъ за всѣ семестровыя сочиненія, вычитается особая цифра, запесенная въ штрафную графу. Эта цифра составляется изъ умноженія двухъ величинъ: аа) разности между балломъ, которымъ оцѣнено просроченное сочиненіе, и высшимъ балломъ 5, и бб) коэффициента, на который эта разность умножается. Этотъ коэффициентъ получается чрезъ разложеніе цифры просроченныхъ недѣль на составныя порядковыя цифры, изъ которыхъ слагается послѣдняя просроченная недѣля“¹⁾.

¹⁾ Прилож. къ „Памятной книжкѣ“ Спб. дух. академіи, Спб. 1900 г. стр. 6.

Къ этимъ правиламъ Васи́лемъ Васи́льевичемъ составлено подробное объясненіе, которое весьма характерно, поучительно и интересно. Какъ примѣлять на практикѣ мѣры взысканія въ *простой* формѣ, Васи́лій Васи́льевичъ разъясняетъ слѣдующею примѣрною таблицею:

I. Видъ части таблицы (взысканіе въ *простой* формѣ).

Имена и фамиліи студентовъ.	Удвоенная сумма балловъ за сочиненія.	Штрафная графа недѣли.	Удвоенная сумма балловъ за сочиненія въ окончательномъ видѣ.
37. Рамье Гюи	23.000	2.000	21.000
38. Руанъ Шарль	28.000	0.000	28.000
39. Сэнтъ-Эврѣ Жанъ	29.500	1.286	28.214
40. Тиссо Дени	28.500	0.571	27.929
41. Туттэ Жиль	30.000	2.000	28.000

II. Изъ прилагаемаго образца видно, что сумма просроченныхъ дней (14, 0, 16, 4, 14) дѣлится на 7 и вносится въ штрафную графу; стоящая въ этой графѣ цифра вычитается изъ цифры предшествующей графы; разность и составляетъ окончательный выводъ.

III. Анализъ первой графы показываетъ, что Туттэ написалъ всѣ сочиненія на 5, но опоздалъ подачею одного изъ нихъ на двѣ недѣли. Штрафъ: „minus 0,5 за каждую недѣлю“ превратилъ 5 на просроченномъ сочиненіи въ 4, и такимъ образомъ Туттэ сравнялся съ Руаномъ, который имѣетъ баллы 5,5,4.—Тиссо имѣетъ баллы 5,5, 4,25; но онъ просрочилъ только 4 дня, и это обстоятельство дало преимущество предъ Тиссо исправному Руану, хотя сочиненіе послѣдняго слабѣе на 0,25.

IV. Сравненіе № 37 съ № 41 показываетъ, что въ основѣ этой системы взысканій лежитъ мысль: „не смотря на личности, за равный проступокъ равное взысканіе“. Блестящій Туттэ (5,5,5) оштрафованъ такъ же, какъ и посредственный Рамье (5, 3,5, 3).

Правило о взысканіи въ *сложной* формѣ сопровождается не только указаніемъ способа отысканія необходимаго въ этомъ случаѣ коэффициента и примѣрною таблицею, но и интересными соображеніями Васи́лія Васи́льевича:

„I. Коэффициентъ, писалъ Василій Васильевичъ, получается слѣдующимъ образомъ:

	Коэффициентъ.
1 недѣля состоитъ изъ I недѣли	1
2 недѣли состоятъ изъ I+II недѣли	3
3 „ „ „ I+II+III недѣли	6
4 „ „ „ I+II+III+IV недѣли	10
5 недѣль состоятъ изъ I+II+III+IV+V недѣли	15

II. Коэффициентъ для дробныхъ частей недѣли получается путемъ простой интерполяціи. Напр., просрочено 0.571. Разность между 0 и 1 недѣлю = 1. $0.571 \times 1 =$ коэффициенту = 0.571.—Просрочено 1.286. Разность коэффициентовъ 1 и 2 недѣль = 2. $2 \times 0.286 = 0.572 + 1,000$ (за 1 недѣлю) = коэффициентъ 1.572.—Просрочено 3.286. 3 недѣли 6.0000. Разность $10 - 6 = 4$. $4 \times 0.286 = 1.144$. Коэффид. за 3.286 7.144.

III. Получившіе балль 5 на просроченномъ сочиненіи въ штрафной графѣ получаютъ одинаковое отрицательное количество съ получившими на просроченномъ сочиненіи балль 4.т.ъ.

IV. Видъ части таблицы.

Имена и фамиліи.	Удвоенная сумма балловъ за сочиненіи.	Штрафная графа.					Удвоенная сумма балловъ за сочиненіи въ окончатель- номъ видѣ.
		Просро- чено не- дѣль.	Балль.	Коэффи- циентъ.	Разность.	Minus.	
37. Рамье Гюи	23.000	2.000	3.5	3.000	1.500	4.500	18.5000
38. Руанъ Шарль	28.000	0.000	—	—	—	0.000	28.000
39. Сэнтъ-Эврѣ Жанъ	29.500	1.286	4.75	1.572	0.25	0.393	29.107
40. Тиссо Дени	28.500	0.571	4.25	0.571	0.75	0.428	28.072
41. Туттъ Жиль	30.000	2.000	5.00	3.000	0.25	0.750	29.25
42. Тэнь Франсуа	23.000	2.000	3.00	3.000	2.00	6.000	17.00
43. Тюль Луи	30.000	4.000	5.00	10.000	0.25	2.500	27.50
44. Юрбанъ Жюль	23.000	4.000	3.500	10.000	1.50	15.00	8.00

V. Анализъ таблицы показываетъ, что въ основѣ этой системы лежитъ противоположная мысль: смотря по различію личностей за одинаковый (по наличной видимости) проступокъ различное наказаніе. Рамье, Туттъ и Тэнь просрочили одинаково по 2 недѣли; но Туттъ написалъ сочиненіе на 5 и наказанъ лишь на—0.т.ъ, Рамье получилъ на сочиненіи балль

3.5 и наказанъ уже на—4.5, а Тэнъ, получившій баллъ только 3.0, наказанъ на 6.00. Съ другой стороны Рамье и Юрбэнъ получили одинаково по 3.5, Туттэ и Тюиль—по 5. Но Туттэ и Рамье были неисправны 2 недѣли, Тюиль и Юрбэнъ упорствовали до 4 недѣль. Первая пара штрафуется на—0.75 и—4.50, послѣдняя же—на—2.50 и—15.00., т. е. не вдвое, а въ 3¹/₂.—Тиссо опоздалъ только на 4 дня, Сэнтъ-Эврэ на 16 дней; но первый получилъ баллъ 4.25, второй—4.75, и потому первый наказанъ строже (—0.428), чѣмъ второй (—0.393).

VI. Тенденція этой системы ясна изъ этихъ примѣровъ. Si duo idem faciunt, non est idem. Лишь по наружности представляются два одинаковыхъ проступка вполне равными; по внутреннимъ мотивамъ они могутъ быть различны до противоположности. Тэнъ не подаетъ своего сочиненія въ срокъ по основаніямъ, которыя и въ его собственныхъ глазахъ никакого свисхожденія не заслуживаютъ („изъ 30 дней, назначенныхъ для этого сочиненія, я пролѣнился цѣлыхъ 27, и въ остальные 3 дня не могу наверстать пропущенное“), Туттэ—по основаніямъ почтеннымъ („я работалъ съ неослабнымъ интересомъ, не мало перечиталъ,—кое-что даже по первоисточникамъ,—въ головѣ есть мысли, кажется, не совсѣмъ пошлыя; къ сожалѣнію, мнѣ не дается форма изложенія, а хочется отдѣлать сочиненіе по настоящему“), по меньшей мѣрѣ въ его собственныхъ глазахъ („товарищи просятъ не подавать въ срокъ; подать—вооружить ихъ противъ себя; пожалуй еще будутъ думать, что я заискиваю въ глазахъ начальства“). Даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ вина Туттэ и другихъ его товарищей далеко не одинакова. Если бы опаздывали только по мотивамъ, которыми руководствуются Тюили и Туттэ, массовыхъ опаздываній не бывало бы. Къ сожалѣнію, въ подобнаго рода случаяхъ приходится подозрѣвать иногда взаимное соглашеніе, когда худшая часть студентовъ подавляетъ волю лучшихъ, заставляетъ и ихъ стать въ ряды неисправныхъ, надѣясь тѣмъ вынудить начальство—или оставить массовой проступокъ безнаказаннымъ или же, скрѣпя сердце, подвергать наказанію и такихъ студентовъ, въ добрыхъ качествахъ которыхъ оно вполне уверено.—Дифференціальныи характеръ взысканія направленъ къ огражденію лучшихъ студентовъ отъ давленія на ихъ стадный инстинктъ со стороны ихъ „товарищей“.

VII. Эта система задается цѣлю показать студентамъ, что всякія дѣйствія скопомъ для нихъ просто невыгодны. Для Жюлей Юрбэновъ немного пользы отъ того, что они заставили примкнуть къ нимъ и Тюилей и храбро выдержали забастовку до 4 недѣль: Тюили оштрафованы лишь на—2.5; средній выводъ по сочиненіямъ у нихъ изъ одного 5 превратился въ 4.533, что позволяетъ имъ оставаться во главѣ разряднаго списка по прежнему. Штрафъ въ—15.00 тощій средній баллъ Юрбэновъ (3.833) превращаетъ въ 1.333, и они

вынуждаются оставить заведеніе. Въ этомъ Тюили, въ свою очередь, усмотрять серьезнѣйшее побужденіе—употребить все свое нравственное вліяніе на своихъ товарищей, чтобы отклонить ихъ отъ такого образа дѣйствій, который можно принять за скопъ, который можетъ повести къ примѣненію этой формы взысканія, послѣдствія которой такъ тяжело озовутся именно на слабѣйшихъ изъ неисправныхъ. Они поймутъ и сами, что, въ случаѣ, выяснившейся фактической невозможности—подать сочиненіе всѣмъ курсомъ въ срокъ полностью, на нихъ, какъ болѣе сильныхъ, лежитъ долгъ—быть исправными до самоотверженія, въ интересахъ всѣхъ прочихъ, чтобы многочисленные отстагле подверглись взысканію по первой системѣ а не по второй.

VIII. Коэффициентъ въ этой системѣ возрастаетъ такъ быстро (изъ 1 за первую недѣлю онъ превращается въ 10 за четвертую), что имѣвшіе неудобство запоздать подачею сочиненія поймутъ, что для нихъ самихъ можетъ быть—въ извѣстныхъ случаяхъ—прямо важно, чтобы ихъ сочиненіе было подано не завтра, а сегодня. Вѣдь никто изъ нихъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что ихъ сочиненіе, вмѣсто ожидаемаго minimum $4\frac{3}{4}$, не принесетъ имъ круглаго 3. А между тѣмъ, при просрочкѣ въ 4 недѣли, это составитъ разность между—2.5 и —2000. Невозможность расчета навѣрное, чистая—и страшная—неизвѣстность того, чѣмъ увѣнчаются особые труды надъ сочиненіемъ, надъ которымъ человѣкъ соп атомг работаль дней 20—30 послѣ срока, исключаетъ возможность всякой спекуляціи на опаздываніе въ надеждѣ на возможность получить высшій балъ за сочиненіе лучше обработанное: спекулянты рискуютъ быть оштрафованными по второй системѣ, которая даже круглое 5 на сочиненіи, за просрочку въ 4 недѣли, превращаетъ въ 3.5. А такъ какъ по первой системѣ это 5 превращается даже въ круглое 3.00; то спекулянты поймутъ, что самая лучшая и надежная спекуляція состоитъ въ томъ, чтобы въ штрафной графѣ всегда имѣть круглый 0⁴.

Не менѣе интересны и поучительны выработанныя Василемъ Васильевичемъ въ 1896 году и положенія относительно желательной постановки учебныхъ занятій студентовъ академіи и въ частности относительно кандидатскихъ сочиненій.

VII.

Въ 1896 году по порученію высшаго начальства ¹⁾, была составлена въ академіи комиссія изъ профессоровъ съ цѣлію выяснить желательныя измѣненія въ строѣ академической жизни.

¹⁾ Вѣроятно отголосками этихъ стремленій высшаго духов. начальства къ желательному улучшенію учебныхъ занятій въ духов. академіяхъ

Каждый изъ членовъ этой комиссіи усердно поработалъ надъ такимъ живымъ для академіи вопросомъ и составлялъ свои проекты. Василій Васильевичъ, всегда чуткій къ насущнымъ потребностямъ академіи, принималъ дѣятельное участіе въ этихъ трудахъ, какъ показываютъ оставшіяся послѣ его смерти записки. Въ то время Святѣйшій Синодъ не предполагалъ производить значительныхъ перемѣнъ въ постановкѣ учебнаго плана въ духовныхъ академіяхъ, и потому академическая комиссія въ своей работѣ ограничилась предположеніемъ лишь второстепенныхъ измѣненій въ учебной части и при томъ такихъ, какія стояли въ связи съ дисциплинарною стороною. Такъ, она обратила вниманіе на слѣдующія неудобства въ академической жизни.

1. „Переходныя испытанія поставлены въ академіи не совсѣмъ дѣлесообразно. Отвѣты студентовъ въ общемъ болѣе, чѣмъ удовлетворительны. Но этого результата учащіеся достигаютъ неестественнымъ напряженіемъ силъ, готовясь къ экзамену въ предшествующіе ему два-три дня и въ это короткое время стараюсь усвоить на память все, прочитанное имъ по данному предмету въ теченіе года. Вполнѣ естественно, что познанія, паскоро заученныя, недолго сохраняются въ памяти. Между тѣмъ не только въ отношеніи чисто научномъ, но и для выработки нравственной выдержанности въ учащихся, важно, чтобы они готовились къ испытаніямъ своевременно и усвоили преподаваемые предметы постепенно въ теченіе всего академическаго курса.

2. Совѣты студентамъ — повторять во время вечернихъ занятій прослушанныя ими лекціи обычно встрѣчаются съ возраженіемъ, что на это у учащихся нѣтъ свободнаго времени, такъ какъ вечерніе часы они употребляютъ на составленіе семестровыхъ сочиненій. Несомнѣнно эти сочиненія занимаютъ такое видное мѣсто въ жизни учащихся, что они не имѣютъ нравственнаго мужества заняться серьезно исполненіемъ своихъ другихъ обязанностей, пока заданное сочиненіе ими не написано. Уже одно повышенное значеніе балла за сочиненія сравнительно съ баллами, полученными на экзаменахъ, можетъ извинить студентовъ въ томъ, что сочиненія исключительно овладѣваютъ ихъ вниманіемъ.

3. Между тѣмъ по чисто внѣшнимъ условіямъ семестровыя сочиненія не могутъ принести всей той пользы умственному развитію учащихся, какой можно бы ожидать въ виду усиленныхъ занятій студентовъ именно сочиненіями. На I п

были въ „Странникѣ“ за 1896 г. замѣтка: „Пересмотръ уставовъ духовно-учеб. заведеній“ и за 1897 г. статья *Н. Вавинскаго*: „Къ вопросу о нуждахъ духовно-академическаго образованія“.

II курсахъ въ С.-Петербургской духовной академіи читаются науки главнымъ образомъ историческія. По этимъ же предметамъ назначаются и темы для семестровыхъ сочиненій. Но нѣтъ возможности серьезно обсуждать какой либо историческій вопросъ, не имѣя подъ рукою историческихъ источниковъ. Для темъ по историческимъ предметамъ студентамъ требуются книги. Между тѣмъ академическая бібліотека рѣдко бываетъ въ состояніи предоставить на цѣлый курсъ—50—60 человекъ—даже только 2 экземпляра требуемыхъ книгъ. Напр., если по характеру сочиненія требуется, чтобы студенты прочитали какое либо свято-отеческое твореніе въ подлинникѣ, то бібліотека бываетъ вынуждена выдавать имъ только бенедиктинскія изданія in folio. Патрологію Миная обычно пользуют только академическіе преподаватели, и это весьма цѣлесообразно; такъ какъ Patrologia издана на бумагѣ столь плохого качества, что томъ, наскоро прочитанный 20-ю или 30-ю студентами, неизбѣжно возвратился бы въ бібліотеку нѣсколько поврежденнымъ. Пользованіе дѣянiami соборовъ (Labbe, Harduin, Mansi) или изданіемъ болландистовъ Acta Sanctorum представляетъ тѣ же затрудненія. Въ виду этихъ неудобствъ приходится и по историческимъ наукамъ придумывать темы болѣе или менѣе апіорныя, на которыя можно писать не читая книгъ. Но польза для умственнаго развитія отъ сочиненій этого рода далеко небезспорна.

4. Сочиненіе на степень кандидата въ настоящее время студенту пишутъ на IV курсѣ. Это обстоятельство лишаетъ Академію возможности проявить во всемъ объемѣ свое научное вліяніе на своихъ питомцевъ какъ на будущихъ ученыхъ или по крайней мѣрѣ литературныхъ дѣятелей. Самый подробный отзывъ можетъ только отмѣтить допущенные въ диссертациі недостатки, но не можетъ научить начинающаго ученаго—избѣгать ихъ на будущее время. Когда эти отзывы появляются въ печати, кандидаты богословія уже находятся внѣ академіи. Профессоры академіи не имѣютъ возможности сдѣлать пмѣ чисто практическія указанія по поводу слабыхъ сторонъ, замѣченныхъ въ диссертацияхъ, и сами авторы лишены возможности извлечь изъ подобныхъ указаній дѣйствительную пользу, такъ какъ живутъ въ отдаленіи отъ академическихъ бібліотекъ¹⁾.

Для устраненія этихъ неудобствъ Василій Васильевичъ какъ членъ комиссіи выработать измѣненія, которыя всецѣло легли въ основу докладной записки комиссіи и представляютъ те-

¹⁾ Архивъ академіи 1896 г. дѣло № 60: „Докладная записка комиссіи о желательныхъ измѣненіяхъ въ строѣ академической жизни“, цп. 1—3 и 5. Самая записка тщательно переписана рукою самого Василія Васильевича.

перь интересъ историческій. Для урегулированія хода учебныхъ занятій въ академіи онъ находилъ желательными слѣдующія перемѣны:

1. „Назначить студентамъ I и II курсовъ семестровыя сочиненія на срокъ не свыше одного мѣсяца каждое (именно первое сочиненіе на мѣсяць сентябрь, второе на мѣсяць октябрь и третье—съ 10 января по 10 февраля), съ тѣмъ, чтобы свободное отъ занятій сочиненіями время студенты употребляли на усвоеніе преподаваемыхъ имъ предметовъ.

2. Въ декабрѣ мѣсяцѣ производить повѣрку своевременности и успѣшности занятій студентовъ учебными предметами. Съ этою цѣлію преподаватель каждаго предмета въ присутствіи ассистента долженъ спросить каждаго студента.

3. Студентамъ, отвѣтившимъ на этомъ повѣрочномъ испытаніи удовлетворительно, Совѣтъ зачисляетъ баллы ими полученный въ качествѣ устнаго отвѣта на экзаменѣ. На переводныхъ испытаніяхъ въ концѣ академическаго года эти студенты дають отвѣты только наъ той половины учебнаго курса, которая прочитана во второе полугодіе (съ января по апрѣль).

4. Напротивъ, студенты, отвѣтившіе на повѣрочномъ испытаніи не удовлетворительно, въ концѣ академическаго года сдаютъ экзаменъ изъ обѣихъ половинъ учебнаго года.

5. Сочиненія на степень кандидата богословія студенты пишутъ въ теченіе III-го академическаго курса.

и 6. На IV курсѣ студентамъ, сверхъ слушанія лекцій по тѣмъ предметамъ, чтеніе которыхъ на этомъ курсѣ положено, назначаются особыя занятія подъ руководствомъ того преподавателя, по предмету котораго они на III курсѣ писали сочиненіе на степень кандидата богословія, или же съ разрѣшенія Совѣта—по какому-либо другому предмету“.

Въ пояснительной запискѣ къ этимъ положеніямъ Василій Васильевичъ писалъ:

„Пунктъ пятый стоитъ въ тѣсной связи съ шестымъ пунктомъ.

Сочиненія на соисканіе степени магистра богословія пишутъ лишь немногіе изъ кандидатовъ богословія. Нельзя того же сказать о такомъ родѣ литературной дѣятельности, какъ сотрудничество въ журналахъ и т. п. Статьи того или другого объема, въ той или иной степени научныя, пишутъ многіе изъ питомцевъ академіи. Количественное преобладаніе статей надъ книгою содѣйствуетъ тому, что именно журналы являются у насъ показателемъ богословской производительности въ данную эпоху.

Академія не можетъ считать безразличнымъ для себя, если ея питомцы, не представляя на ея судъ своихъ диссертаций, своимъ сотрудничествомъ въ повременныхъ изданіяхъ

будутъ содѣйствовать повышенію или—наоборотъ—упадку научнаго вкуса читателей.

Между тѣмъ, при существующихъ порядкахъ, академія лишена возможности проявить во всемъ объемѣ свое вліяніе на своихъ питомцевъ именно какъ на будущихъ литературныхъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи они предоставлены почти всегда самимъ себѣ.

Семестровыя сочиненія не ведутъ—въ этотъ отношеніи—къ дѣлу. При ихъ многочисленности читающій ихъ преподаватель не имѣетъ возможности выразить своего мнѣнія о нихъ иначе, какъ постановкою балла и какими нибудь лаконическими замѣтками на нихъ.

О кандидатскихъ диссертацияхъ пишутся подробные отзывы. Но авторы этихъ сочиненій знакомятся съ этими рецензіями уже тогда, когда сами лишены возможности воспользоваться ими для своего самоусовершенствованія. Они стоятъ въ это время уже вдали отъ академіи, и академическая бібліотека для нихъ часто совсѣмъ не достѣпна. Изъ рецензій они узнаютъ, какія стороны ихъ перваго опыта ученаго изслѣдованія оказались не совсѣмъ удовлетворительны. Но ли отъ кого они не встрѣчаютъ практическохъ указаній, какъ устранить (или ослабить) замѣченные въ ихъ трудѣ недостатки.

Если же кандидатскія изслѣдованія будутъ написаны въ теченіе III курса, то каждый преподаватель получитъ возможность:

- а) содѣйствовать устраненію случайныхъ недочетовъ диссертации, назначивъ ея автору соотвѣтственные упражненія;
- и б) уяснить то, что автору диссертации осталось неяснымъ, не смотря на годовое занятіе вопросомъ, предложивъ ему или прямо относящаяся къ данной сторонѣ изслѣдованія или же—за отсутствіемъ ихъ—свои собственныя руководительныя чтенія⁴.

Выходя изъ мысли о неприкосновенности настоящаго академическаго status quo, нужно признавать, что проектированная Василіемъ Васильевичемъ мѣры исполнѣ могли бы удовлетворить ближайшимъ потребностямъ академической жизни, и коммиссія не могла ничего больше этого сдѣлать. Если бы эти мѣры осуществились, особенно по отношенію къ кандидатскимъ сочиненіямъ, то академіи были бы наилучшею научною школою. Студенты, пишущіе кандидатскія сочиненія, необходимо вступали бы въ болѣе близкія отношенія къ тому профессору, который далъ тему, избранную ими. Василій Васильевичъ въ своемъ проектѣ и надѣялся, что «эта нравственная близость между студентомъ и профессоромъ еще болѣе укрѣпится во время особыхъ занятій на IV курсѣ и поведетъ къ блатвор-

ному нравственному впливанню профессорів на студентів, для проявленія котораго обычный ходъ академической жизни представляеть довольно мало поводовъ, потому что отношенія, состоящія только въ томъ, что одинъ является въ аудиторію для прочтенія лекцій, а другіе эти лекціи выслушиваютъ и записываютъ, неизбежно прикипають формальный, офіціозный характеръ. А это не можетъ не отражаться извѣстнымъ образомъ и на общемъ тонѣ жизни студентівъ». Эти особія занятія студентівъ въ IV курсѣ, сосредоточенныя на извѣстной группѣ предметівъ примѣнительно къ писанному ими на III курсѣ кандидатскому сочиненію и состоящія подъ руководствомъ своего профессора, имѣли бы еще и то практическое значеніе, что дали бы студентамъ возможность самостоятельно заняться изученіемъ и оцѣнкою учебной и ученой литературы по тѣмъ предметамъ, которые вошли бы въ ихъ группу, и подготовили бы изъ этихъ студентівъ для духовно-учебныхъ заведеній свѣдущихъ преподавателей.

VIII.

Въ каждомъ учебномъ заведеніи для успѣха учебныхъ и ученыхъ занятій имѣеть громадное значеніе состояніе бібліотеки. Для духовныхъ же академій бібліотека является однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ усиленію ученой ея дѣятельности. Это, такъ сказать, желудокъ академій: хорошо его состояніе, хорошо работаетъ и голова; и наоборотъ: скудость и пустота ея парализуютъ дѣятельность и талаптливѣйшихъ силъ. Поэтому, забота о пополненіи и совершенствованіи академическихъ бібліотекъ составляла и составляетъ въ теченіе всей жизни нашихъ академій одну изъ важнѣйшихъ функцій дѣятельности академическихъ Совѣтовъ ¹⁾.

Въ своихъ работахъ по вопросамъ внутренней жизни академіи Василій Васильевичъ неоднократно обращалъ вниманіе на значеніе бібліотечныхъ вопросовъ. Не упуская случаевъ высказываться объ этомъ при исполненіи порученій, онъ иногда и самостоятельно входилъ въ академическій Совѣтъ съ докладными записками по этимъ вопросамъ. Такъ въ 1898 году, когда въ числѣ слушателей академіи оказалось нѣсколько при-

¹⁾ Отчеты всѣхъ академій за каждый годъ ихъ существованія полны указаніями объ этой дѣятельности.

родныхъ восточныхъ сирійцевъ съ береговъ Урми, и академическая бібліотека, вообще не богатая произведеніями на сирскомъ языкѣ, оказалась совершенно не подготовленною къ запросамъ этихъ слушателей, Василій Васильевичъ не только возбудилъ специальный вопросъ объ отысканіи кредита для приобрѣтенія въ бібліотеку древне-сирскихъ произведеній, напечатанныхъ восточнымъ (такъ называемымъ песторіанскимъ) прифтономъ, но и составилъ списокъ учебной литературы для нихъ и указалъ самые практическіе и экономическіе способы приобрѣтенія ея. Побужденіемъ къ этому для него послужило слѣдующее соображеніе, какъ онъ самъ пишетъ въ своей запискѣ въ Совѣтъ академіи:

„Среди возсоединенныхъ съ православною церковью сирійцевъ замѣтно желаніе ввести у себя богослуженіе по православному русскому чину на новосирскомъ языкѣ. Очевидно, въ лицѣ нашихъ слушателей мы имѣемъ дѣло съ будущими переводчиками нашихъ богослужебныхъ чиновъ на новосирскій языкъ. Долгъ академіи—сколько возможно облегчить имъ этотъ предстоящій подвигъ. Задача будущихъ переводчиковъ далеко не легка. И по своему возрасту и по своей предшествующей подготовкѣ они не подадутъ надежды—стать сколько-нибудь удовлетворительными знатоками греческаго языка. Подлинный богослужебный текстъ имъ, слѣдовательно, останется недоступенъ. Трудно ожидать и того, что они овладѣютъ въ совершенствѣ церковно-славянскимъ языкомъ. И наоборотъ, мало надежды на то, что православные русскіе миссіонеры изучатъ живой новосирскій языкъ столь хорошо, что явятся надежными руководителями для переводчиковъ изъ природныхъ сирійцевъ.

Отсюда выясняется то значеніе, которое древне-сирскій языкъ имѣетъ въ этомъ вопросѣ. Византійскіе греческіе термины *technici* и характерныя обороты церковнаго языка въ древне-сирской письменности переданы—насколько это вообще возможно—весьма удовлетворительно соответственными сирскими понятіями, и даже самыя неточности этихъ замѣнъ важны въ томъ отношеніи, что показываютъ безсидіе этого языка, очевидно и нынѣ неустранимое. А переходъ отъ древне-сирскаго лексикона къ новосирскому, конечно, менѣе труденъ, чѣмъ отъ славянскаго къ новосирскому. Поэтому весьма желательно, чтобы наши слушатели въ стѣнахъ академіи имѣли возможность и упрочить и усовершенствовать свои познанія въ древне-сирскомъ языкѣ¹⁾).

¹⁾ Результатомъ этихъ заботъ Василя Васильевича была особая ассигновка изъ Св. Синода суммъ на выписку древне-сирскихъ книгъ. Архивъ Слб. Д. А. 1898 г., дѣло № 30.

Къ сожалѣнiю, дѣятельность академическихъ Совѣтовъ по отношенiю къ своимъ библіотекамъ часто осложняется недостаточностью штатныхъ библіотечныхъ суммъ. Приобрѣтать на эти суммы всё, необходимое для потребностей академiи, книги не приходится. Изыскивать же мѣры къ наиболѣе возможнымъ сокращенiямъ, при удовлетворенiи этихъ потребностей безъ ущерба для академическаго дѣла, составляетъ одну изъ докучливыхъ заботъ. Въ 1879 году, когда Василій Васильевичъ былъ еще студентомъ IV курса, опытомъ дознанная недостаточность существующихъ въ академiи средствъ на приобрѣтенiе всѣхъ книгъ, желаемыхъ отдѣльными наставниками, побудила Совѣтъ академiи пригласить всѣ отдѣленiя къ участiю въ выборѣ наиболѣе необходимыхъ для библіотеки книгъ ¹⁾. Въ 1898 же году библіотечный вопросъ осложнился настолько, что Совѣту академiи пришлось даже приостановить выписку книгъ въ академическую библіотеку до 1899 года ²⁾, а Василію Васильевичу, состоявшему въ то время въ ревизiонной коммисiи по библіотекѣ, пришлось поработать, по порученiю Совѣта, надъ вопросомъ объ урегулированiи выписки книгъ въ академическую библіотеку.

Результаты этихъ совмѣстныхъ съ другимъ членомъ коммисiи работъ Василія Васильевича въ настоящее время уже напечатаны въ журналахъ Совѣта академiи ³⁾. Поэтому, здѣсь приведемъ лишь нѣкоторые изъ нихъ, въ которыхъ высказывается принципиальный взглядъ Василія Васильевича на академическіе библіотечные вопросы:

„При контролѣ преподавательскихъ докладныхъ записокъ Совѣтъ исходитъ изъ слѣдующаго положенiя: академiя обязана вооружить преподавателей наилучшими рецензiями источниковъ по соответственнымъ предметамъ, respectiue книгами ad instar boni, но пособница, т. е. костыли для калѣкъ, преподаватели должны приобрѣтать на свой счетъ, если полагаютъ, что они въ этого рода печатныхъ продуктахъ нуждаются. Поэтому въ академическую библіотеку Совѣтъ охотно приобрѣтаетъ книги капитальныя, вышедшія изъ подъ пера авторитетовъ науки и отмѣчающихъ собою извѣстное поступательное движеніе въ ней, особенно же произведенiя, которыя приято называть „Erschennachend“, „дѣлающими эпоху“, подобнаго рода книги, хотя бы онѣ стоили и дорого, разрѣ-

¹⁾ Отчетъ за 1879 г. стр. 9.

²⁾ Журналы Совѣта за 1899--1900 уч. годъ стр. 96—7.

³⁾ Журналы Совѣта за 1899—1900 уч. годъ стр. 141—157.

щается приобретать и вновь, в изданиях исправленных и дополненных, если только преподаватель убедится, что эти исправления и дополнения значительны или же существенны. Но Совет крайне скупо расходует академические средства на покупку изданий второстепенных и дешевеньких, если не доказано, что в произведениях этих не первостепенных величин высказываются новые тезисы, что эти незначительные деятели представляют собою особое научное направление и т. п., тогда и эти книги приобретаются по научному правилу: *ut et altera pars audiat*¹⁾.

„Совет не должен поощрять и погоня за полнотою литературы по каким-либо частным вопросам. Подобный подбор „всего написанного“ считается украшением частных библиотек потому, что у себя дома собственник библиотеки имеет полное право быть любителем. Но в библиотеке академической такую полноту пришлось бы считать недостатком. Совершенно неизбежно, что под флагом этой полноты попадает в библиотеки много печатного сора и дребяги и особенно поваго, вереница программ, брошюрок и толстых книг, по без всякого научного значения и давно уже достойных только забвения. Нельзя тратить академический деньги на такое „повторение вышес пройденного“: можно пожалеть даже и места на полках академической библиотеки для подобных назойливых литературных гостей. Поэтому можно принять за правило: от каждого рекомендуемого поваго сочинения на старую тему требовать в упор или определенной научной физиономии или осязательных преимуществ (по материальной полноте и по научности общего *habitus*), сравнительно с сочинениями уже приобретенными в библиотеки.

Особенно энергично это *veto* должно раздаваться в тех случаях, когда подобное собирательство направляется на вопрос, только сопряженный с предметами, в академии преподаваемыми“²⁾.

„Академическая библиотека никогда не должна задаваться мыслью играть роль мецената. Эта роль нашему бюджету совсем не под силу. Поэтому заявления о приобретении той или другой книги во многих экземплярах должны пройти через угольные уши прежде, чем удостоиться разрешения Совета. Понятно, что это положение не может иметь применения там, где дело идет прямо об *учебниках*“³⁾.

„Никакое сокращение в расходовании сумм на выпуск журналов не представляется возможным. На этом пункте у нас наблюдается вовсе не роскошь, а разврат чистейшая бедность, еле совместимая с той порядочностью, которая

¹⁾ Ibid. стр. 151—2.

²⁾ Ibid. стр. 154.

³⁾ Ibid. стр. 155.

прямо требуется отъ высшаго учебнаго заведенія. Мы и такъ отказываемъ себѣ во многомъ. Достаточно замѣтить, что изданія академіи наукъ берлинской, вѣнской, монхенской, въ нашу бібліотеку не выписываются; прославленные журналы по классической филологіи *Hermes* и *Philologus* также нѣтъ; такіе органы по востоковѣдѣнію, какъ лейпцигскій *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, какъ парижскій *Journal Asiatique*, тоже нѣтъ. Не говоримъ о *Wiener Studien* австрійскихъ ориенталистовъ. Но всѣ названныя изданія посвящены востоковѣдѣнію вообще. А подлѣ нихъ стоятъ повременныя изданія по египтологіи и ассириологіи, и на этихъ двухъ спеціальностяхъ идетъ неустанная работа; поэтому, быть можетъ, уже весьма недалеко то время, когда академическія кафедры, сопркосновенныя съ изученіемъ вѣхаго звѣта, признають уже болѣе невозможнымъ обходиться безъ выписки *Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, Beiträge zur Assyriologie und vergleichenden semitischen Sprachwissenschaft*, и т. п. органовъ.

„Мы живемъ въ эпоху, когда книга гложетъ отъ панора повременныхъ изданій. Фактъ глубоко прискорбный; но утратить его мы не властны. Едва ли можно спорить и противъ того, что наиболѣе цѣнное въ наукѣ теперь появляется рѣже въ книгахъ, чаще въ журналахъ, — и это потому, что *Verleger* журнала въ своихъ чисто коммерческихъ поцолзновеніяхъ сдерживается двойнымъ ученымъ „noblesse oblige“: чувствомъ научнаго долга ученаго автора статьи и чувствомъ научнаго долга ученаго редактора журнала. Въ такое время экономія въ бюджетѣ на журналы едва ли позволительна“¹⁾.

„Нормальная цифра всѣхъ студентовъ въ С.-Петербургской духовной академіи — 120 человекъ, фактическая — 240. Когда мы станемъ смотрѣть съ точки зрѣнія интересовъ академической бібліотеки, невозможно будетъ не признать болыюю историческою неосторожностью этого сверхънормальнаго паростанія нашихъ *cives academici*. Академіи — не университетъ. Писать диссертации на степень кандидата у насъ обязаны рѣшительно всѣ студенты. Преподавателей это обязываетъ выдумывать и чуть не изобрѣтать темы для сочиненій даже сверхъ настоящей потребности въ ихъ научной обработкѣ; а бібліотека должна была поставлять книги, и книги. Именно она-то и не получила никакой „компенсаціи“ за то, что составъ студентовъ академіи къ настоящему времени уже удвоился. Для недостаточныхъ или же просто достойнѣйшихъ студентовъ учреждено вѣсколько стипендій: для потребности бібліотеки на покрытіе ея усиленныхъ расходовъ еще нѣчто не учредить ни одной стипендіи. Сама академія въ прошедшемъ была или настолько не дальновидна, или настолько гуманна, что не имѣла мужества провести той мѣры, чтобы со

¹⁾ Ibid. стр. 143.

всякой вновь учреждаемой стипендіи хотя бы только по 10 рублей ежегодно, поступало на усиленіе нашего бібліотечнаго бюджета. Между тѣмъ въ принципѣ можно допустить, что каждый студентъ, пишущій кандидатскую диссертацию, обходится бібліотекѣ среднимъ числомъ по крайней мѣрѣ въ 10 рублей. Такимъ образомъ на эту специальную статью расхода слѣдуетъ отчислить ежегодно до 600 рублей. И на эту статью расхода приходится смотрѣть именно какъ на статью специальную, потому что можно предвидѣть, что она можетъ обогащать нашу академическую бібліотеку и произведеніями довольно проблематической цѣнности, — книгами, которыхъ для себя профессоръ пріобрѣтаетъ не такъ бы, потому что ихъ научное достоинство довольно посредственное: по потому-то эти книги и могутъ быть хорошею пробою для критической проницательности студентовъ. Приходится иногда, въ подобныхъ случаяхъ, пріобрѣтать и мелкія брошюры и дешевенькія изданія, потому что онѣ необходимы для полноты диссертации или же сберегаютъ для студента драгоценное время¹⁾.

IX.

Дѣятельность Василя Васильевича по вопросамъ внутренней жизни академіи касалась и духовныхъ семинарій, которыя по нѣли своего существованія имѣютъ наибѣзпѣйшую связь съ духовными академіями. Въ духовныя академіи поступаютъ исключительно воспитанники духовныхъ семинарій; и сами академіи, чрезъ своихъ прежнихъ воспитанниковъ, призваны давать общее образованіе своимъ воспитанникамъ будущимъ. Отсюда въ дѣлѣ образованія духовенства успѣхъ академическихъ занятій несомнѣнно зависитъ отъ степени согласованія программъ семинарскаго курса съ академическимъ уставомъ. Чѣмъ выше общее развитіе поступающихъ въ академію, тѣмъ успѣшнѣе идетъ и въ академіяхъ научное специально-богословское образованіе. Поэтому ни одна изъ учебныхъ реформъ не можетъ обойтись безъ призванія къ участію академическихъ дѣятелей въ пересмотрѣ семинарскихъ программъ и не можетъ игнорировать вопроса о приведеніи ихъ въ соотвѣтствіе съ постановкою академическаго учебнаго дѣла.

Въ 1884 году, когда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вводились новые уставы, академическіе дѣятели, дѣйствительно, и были призваны — пересмотрѣть программы по предметамъ семинарскаго курса, а по нѣкоторымъ составить новыя — и

¹⁾ Ibid. стр. 145.

привести ихъ въ соответствіе съ тѣми измѣненіями, какія вводитъ уставъ 1884 года. Одною изъ побудительныхъ причинъ къ этому и послужила та взаимная связь между академіями и семинаріями, которая должна бы выразилась, со стороны академій, въ наблюденіи за направлениемъ и ходомъ учебно-воспитательной части въ духовныхъ семинаріяхъ (уставъ духовныхъ академій § 81 отд. 6 п. 8 и объяснительная къ уставу записка стр. 42—45). Но на практикѣ эта связь за все время существованія уставовъ духовно-учебныхъ заведеній 1884 г. не проявлялась и ограничилась лишь пересмотромъ программъ и поддерживается академическими наблюденіями объ успѣхахъ семинарскаго преподаванія, обнаруженныхъ поступающими въ академію на приемныхъ экзаменахъ.

Припомняя эту связь, проявившуюся въ 1884 году въ пересмотрѣ академическими дѣятелями семинарскихъ программъ, считаемъ не лишнимъ, особенно въ виду уже назрѣвшаго вопроса о новомъ пересмотрѣ этихъ программъ, привести здѣсь труды Василія Васильевича по произведенному имъ пересмотру программы по общей церковной исторіи для духовныхъ семинарій.

Будучи еще доцентомъ въ 1884 году Василій Васильевичъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія на программу по общей церковной исторіи для духовныхъ семинарій ¹⁾:

1. „По уставу 1867 г. въ духовныхъ семинаріяхъ на преподаваніе общей церковно-исторіи полагалось 6 недельныхъ уроковъ. Новый уставъ духовныхъ семинарій на преподаваніе наукъ церковно-историческихъ назначаетъ 12 недельныхъ уроковъ. Распределеніе ихъ между отдѣльными вѣтвями церковной исторіи не указано ни въ росписаніи учебныхъ предметовъ, ни въ объяснительной запискѣ къ уставу. Но такъ какъ ни уставомъ, ни запискою не предполагается сократить число уроковъ по общей церковной исторіи, то можно полагать, что оно остается то же самое, т. е. къ 5 урокамъ (въ III и IV классѣ) будетъ причисленъ для преподаванія общей же церковной исторіи еще одинъ изъ трехъ уроковъ, назначенныхъ въ V классѣ. Если же курсъ общей церковной исторіи остается по прежнему съ 6 недельными уроками, то устранивается и поводъ къ пересмотру существующей программы этой науки.

2. Въ дѣйствительности постановка этого предмета въ семинаріяхъ опредѣляется не только его программой, но и ее выполнениемъ. Повѣрочная приемная испытанія въ С.-Петербур-

¹⁾ Архивъ Совѣта Спб. дух. акад. 1885 г. дѣло № 48.

бургской духовной академіи въ 1881 г. показали, что едва въ половинѣ семинарій программа выполняется до конца, и то съ значительными произвольными сокращеніями. Это видно говорить о томъ, что программа выполнена *въ учебникѣ Е. Смирнова* въ такихъ широкихъ размѣрахъ ¹⁾, что становится желательныи сокращенія въ пемь.

3. Можно предвидѣть, что при дѣйствии поваго устава потребность въ этихъ сокращеніяхъ заявитъ себя сильнѣе.

аа) Прежде церковная исторія изучалась одновременно съ догматическимъ богословіемъ, и преподаватель первой могъ до извѣстной степени опираться на параллельныя разъясненія преподавателя догматики. Напр., ученики, ознакомившіеся съ точнымъ выраженіемъ православнаго догмата въ его подробностяхъ, изучившіе текстуально образцовыя изложенія догмата о св. Троицѣ и воплощеніи, безъ особаго труда усвоили уже понятныя имъ подробности церковной исторіи, не было надобности въ усиленныхъ разъясненіяхъ того, какой смыслъ и значеніе имѣютъ частныя пункты системъ аріанской, несторіанской, монофизитской. Въ эти разъясне-

¹⁾ Вотъ примѣрный расчетъ: а) книга Е. Смирнова состоитъ изъ 588 страницъ (изд. 1880 г. вып. 1 и 2=456 стр.; вып. 3 изд. 1873 г.=132 стр.), такой плотности, что, среднимъ числомъ, на раздѣльное чтеніе вслухъ требуется по 3 минуты на страницу. Имѣя въ виду сложность церковной жизни на западѣ въ повѣйшій періодъ, а равно и то, что послѣднее тридцатилѣтіе представляетъ факты высокой важности (отношеніе болгарской церкви къ константинопольской на востокѣ; ватиканскій соборъ съ его предшествующимъ (syllabus) и послѣдующимъ (Kulturkampf); старокаатолики, своимъ появленіемъ подчеркнувшіе существованіе утрехтской церкви съ остатками галликанской свободы), нужно полагать, что, доведенный до конца въ томъ же объемѣ, учебникъ Смирнова представилъ бы томъ же менѣе какъ въ 800 страницъ, чтеніе котораго взяло бы 40 часовъ. б) Учебный годъ въ семинаріяхъ (за исключеніемъ 2 недѣль на экзамены) состоитъ изъ 200—205 учебныхъ дней; слѣдовательно, при 6 урокахъ, курсъ общей церковной исторіи равенъ 200—205 часамъ. в) Въ это время учебникъ можно прочитать 5 разъ. г) Но при выслушаніи воспитанниковъ, когда предметъ изучается вновь и затѣмъ когда онъ повторяется предъ экзаменами, тратится времени вѣроятно въ 1½ раза болѣе, чѣмъ на чтеніе по книгѣ. слѣдовательно, при полной экономіи времени, это неизбежное двойное повтореніе учебника возьметъ ³/₅ всего учебнаго года. д) На объясненія преподавателя и на случайныя потребности въ усиленномъ изученіи въ которыхъ отдаловъ остается 80 часовъ, что даетъ до 30 минутъ на урокъ въ періодъ, предшествующій общему релегированію. Этого времени, повидимому, на практикѣ оказывается недостаточно. е) Раздѣленные на 150 уроковъ, 800 страницъ дадутъ до 5½ страницы къ каждому классу, что, при трехъ другихъ урокахъ и при склонности къ буквальному заучиванію, дастъ довольно труда воспитанникамъ.

ния теперь будут сплошь лежать на обязанности преподавателя церковной истории.

бб) Прежде общую церковную историю изучали воспитанники V класса, уже прошедшие достаточно серьезный для среднего учебного заведения курс наук философских. Теперь древний период церковной истории воспитанники начнут изучать одновременно съ тѣмъ, какъ приступятъ къ изученію логики, и закончатъ его прежде, чѣмъ для нихъ начнется преподаваніе психологій и начальныхъ основаній и краткой истории философіи. Не слѣдуетъ переоцѣнивать значенія изученія философіи по матеріальной сторонѣ, хотя и она имѣетъ свою цѣну. Напр., стр. 10 (изд. 1880 г.) учебника написана при несомнѣнномъ предположеніи, что съ краткою исторіею философіи воспитанники уже знакомы. Такія явленія, какъ гностизмъ, какъ древне-александрійское ученое богословское направленіе, легче понимаются и отчетливѣе усваиваются при знакомствѣ съ неоплатонизмомъ. Для пониманія еретическихъ системъ въ родѣ арианства, для уясненія средневѣковаго спора номиналистовъ и реалистовъ, философія можетъ служить хорошею пропедевтикою. Пользоваться философскимъ матеріаломъ для разъясненія церковно-историческихъ явленій преподаватель могъ бы во всякомъ случаѣ лишь въ скромныхъ размѣрахъ. Но во всей силѣ случается формальное значеніе философскихъ наукъ въ смыслѣ развивающаго средства. Воспитанникъ V класса целии не считать болѣе зрѣлымъ, умственно, чѣмъ воспитанникъ III класса: было бы несправедливо предъявлять послѣднему тѣ же требованія, какія съ полнымъ основаніемъ предъявлялись первому. Учебникъ церковной истории для воспитанника V класса не представляетъ тѣхъ трудностей для усвоенія, какія можетъ представить для воспитанника III класса. Выводъ отсюда тотъ, что теперь преподаватель на разъясненія самыя заурядныя будетъ употреблять болѣе времени, чѣмъ прежде; что слѣдовательно сокращенія въ учебникѣ желательны то въ видахъ упрощенія (когда опускаются трудныя подробности), то просто для экономіи времени.

4. На постановку общей церковной истории не можетъ повліять и вновь введенная въ семинарскій курсъ наука *сравнительнаго богословія*. При одномъ урокѣ въ недѣлю, эта наука можетъ быть не возьметъ на себя задачи—предложить свою историческую аргументацію сплошь и изъявить желаніе, чтобы въ церковной исторіи обращено было особое вниманіе на тѣ пункты, которые представляютъ интересъ для оцѣнки инославныхъ вѣроисповѣданій. Такой desideratum представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что въ интересахъ самой же церковной истории важно возможно полное пониманіе такого явленія, какъ римское папство. Между тѣмъ въ учебникѣ этотъ вопросъ поставленъ довольно слабо. Прецеденты папства во II и III вѣкѣ только не сведены въ одинъ параграфъ, по па

своихъ мѣстахъ оцѣнены и подчеркнуты. Но во второмъ періодѣ глава: „Папскія притязанія на главенство въ церкви“ (32) оказывается рѣшительно безцвѣтною, если сопоставить ее съ тѣми содержательными параграфами, которые по этому вопросу читаются въ иностранныхъ курсахъ церковной исторіи (Kugiz, Schaff). На этомъ пунктѣ желательны, слѣдовательно, не сокращенія въ учебникѣ, а значительное его дополненіе.

5. Новымъ уставомъ вводится наука *библейской исторіи*. Ея появленіе въ семипарскомъ курсѣ обязываетъ значительное сбереженіе во времени для общей церковной исторіи. Новоизвѣстная исторія въ учебникѣ Смирнова занимаетъ 84 страницы (4—89, §§ 5—40). Съ отнесеніемъ этого отдѣла къ библейской исторіи, къ которой онъ принадлежитъ по своему источнику и причисляется въ авторитетномъ „Начертаніи церковно-библейской исторіи“, можно сократить эти 80 страницъ въ 8 разъ и въ видѣ очерка дѣйствительно конспективно¹⁾ соединить со слѣдующимъ отдѣломъ -вторую половиною перваго періода церковной исторіи. И это будетъ съ пользою для дѣла: въ исторіи апостольскаго вѣка составитель учебника пространилъ иногда только потому, что полно горстью беретъ свидѣнія изъ позднѣйшаго времени.

6. Пункты сопикосновенія общей церковной исторіи съ *литургической* также заслуживаютъ особеннаго вниманія. Если въ этой послѣдней наукѣ предполагается дать широкое мѣсто элементу археологическому, то желательно, чтобы подробностя этого рода (§§ 68—71 перваго выпуска и §§ 33—36 втораго), коимъ скоро ихъ предположено повторить на страницахъ литургики, доведены были до своего *minimum'a* въ учебникѣ церковной исторіи.

7. Дальнѣйшія сокращенія въ учебникѣ также желательны. Но памѣтить въ самой программѣ пункты, которые подлежатъ бы устраненію, нѣтъ возможности. Задача состоитъ въ томъ, чтобы, не урѣзывая программы, дать въ учебникѣ текстъ болѣе сжатый. Въ этомъ отношеніи позволимъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующія мѣста:

а) Не слишкомъ ли подробно говоритъ авторъ о распространеніи христіанства у западно-европейскихъ народовъ (вторая половина § 5 и § 45 втораго выпуска)?

б) Заслуживаютъ ли папы позорнаго періода 883—1046 г. двухъ страницъ въ учебникѣ?

в) Не целесообразнѣ ли § 21 третьяго выпуска подвергнуть сильнѣйшему сокращенію?

Вообще представляется желательнымъ, чтобы при сокращеніяхъ опускаемы были не фактическія подробности — онѣ могутъ даже облегчить запоминаніе, а фразы, иногда довольно многословныя. Но, при уваженіи къ фактамъ, нужна строгая

¹⁾ Ср. стр. 20 программы.

ихъ провѣрка: все ошибочное, несостоятельное, но выдаваемое за фактъ, должно быть устранено изъ учебника. И это дастъ извѣстное сбереженіе въ мѣстѣ и времени.

8. Мы исходимъ изъ предположенія, что новый уставъ дастъ лишь 6 уроковъ въ недѣлю на преподаваніе общей церковной исторіи. Но возможно и другое распредѣленіе: быть можетъ, при сравненіи программъ другихъ вѣтвей церковной исторіи, для нихъ не потребуется болѣе 5 уроковъ. Седьмой урокъ для общей церковной исторіи желателенъ даже и при тѣхъ сокращеніяхъ, которыя приложены выше. Если бы получилась значительная экономія во времени, этимъ избыткомъ можно было бы воспользоваться для пополненія патристическаго отдѣла учебника. Въ своемъ постоянствѣ видѣ, онъ ничего не говоритъ, напр., о св. Епифаніѣ кипрскомъ, хотя въ другихъ мѣстахъ (стр. 161, 342) на него сдѣланы ссылки. Не названы и по имени церковные историки Сократъ, Созоменъ, Евагріи, не говоря уже о писателяхъ-хронистахъ и о латинской церковной историографіи.

9. Предлагаемая выше перемѣны, поскольку онѣ затрогиваютъ программу, сводятся къ слѣдующему:

А) Введеніе въ науку: (§§ 1—4) безъ перемѣнъ.

Первый періодъ: отъ перваго распространенія церкви во времена апостоловъ до торжества ея надъ язычествомъ при Константинѣ в. (34—313 гг.); характеръ этого періода (§ 13).

Глава I. Распространеніе церкви. 1) Политическое и нравственное состояніе язычниковъ и іудеевъ, какъ условіе, благоприятствующее обращенію ихъ ко Христу. 2) Распространеніе христіанства при апостолахъ (способъ распространенія—апостольскія путешествія; подвиги ап. Павла и другихъ апостоловъ; объемъ распространенія, причины успѣха) (§§ 14—19, 23). 3) Распространеніе христіанства послѣ апостоловъ (способъ распространенія) въ Азіи—Африкѣ—Европѣ (§ 41). 4) Гоненія на церковь со стороны іудеевъ. Конецъ ихъ: разсѣяніе іудеевъ (§ 20). 5) Гоненія на церковь со стороны язычниковъ (причины гоненій) при императорахъ: Перонѣ, Домиціанѣ, Траянѣ и др. (§§ 21, 22, 42—47). 6) Нападенія на христіанъ со стороны языческой философіи (§§ 48, 49). 7) Апологеты (§ 50).

Глава III. Ученіе церкви. 1) Источники вѣроученія новозавѣтной церкви канонъ и преданіе (§§ 24, 57). 2) Частные догматы, раскрывавшіеся церковію. Символь (§§ 25, 57 конецъ, 58).

Глава IV. Ереси и лжеученія. 1) Ихъ происхожденіе (§ 38). 2) Еретики іудействующіе (§ 39). 3) Гностицизмъ. Его происхожденіе и главный характеръ (§§ 40, 51). Гностики апостольскаго вѣка (§ 40), александрійскіе и сирійскіе (§ 52). 4) Манихейство (§ 53). 5) Монтеизмъ (§ 55). 6) Монархіалъ (§ 54). 7) Хилиазмъ (§ 56).

Глава V. Богословская письменность и наука. 1) Мужи

апостольскіе, ихъ творенія (§ 26). 2) Богословская наука послѣапостольскаго времени; ея представители (§ 59).

Глава VI. Устройство и управленіе церкви. 1) Міряне и клиръ (§ 27). 2) Чрезвычайныя дарованія и служенія въ вѣкъ апостольскій (§ 28). 3) Степени постоянной іерархіи: епископы, пресвитеры и діаконы (§§ 29, 60). 4) Не іерархическія церковныя должности: диакониссы, іподіаконы, чтецы, пѣвцы, аколуюы, заклинатели, сотіаріи (§§ 29, 61). 5) Избраніе и посвященіе духовныхъ лицъ; ихъ братное состояніе и способы содержанія (§ 62). 6) Раздѣленіе церкви на епархіи и приходы. Взаимное общеніе между церквами. Соборы; ихъ первообразъ — соборъ апостольскій (§§ 64, 65, 31, 30). 7) Власть митрополитовъ. Римскіе епископы; ихъ притязанія на главенство (§ 66).

Глава VII. Богослуженіе, благочиніе (дисциплина) и христіанская жизнь. 1) Характеръ новозавѣтнаго богослуженія; его составныя части (§§ 33, 69). 2) Священныя мѣста (§§ 34, 68). 3) Священныя времена. Споры о времени празднованія пасхи. Начало поста въ субботу на западѣ (§§ 36, 71, 72). 4) Совершеніе таинствъ. Споръ о крещеніи еретиковъ (§§ 35, 70). 5) Церковная дисциплина относительно принятія падшихъ. Расколы противъ церковной дисциплины: Ипполита въ Римѣ, Новата и Фелициссима въ Каррагенѣ, Нонаціана въ Римѣ, Мелитія въ Египтѣ (§§ 37, 73). 6) Жизнь христіанъ (§§ 34, 74, 75).

§ 32 учебника во второмъ періодѣ: „Попытки папскихъ притязаній на главенство“ долженъ бы обнимать слѣдующія рубрики: 1) Епископъ римскій. Историческія основанія его высокаго положенія (отношеніе къ свѣтской власти). Соборъ орелатскій 314 г. Соборъ сардинскій 343 г. Возвръненія Льва V. на первенство ап. Петра и епископовъ римскихъ. 2) Отношеніе къ римской каедрѣ частныхъ церквей запада. Автокефальныя церкви. Борьба галльской церкви противъ римскихъ притязаній (дѣло Каллидонія). Борьба африканской церкви противъ римскихъ притязаній (дѣло Апіарія). 502 г. Вопросъ о „двухъ главахъ“. 3) Отношеніе къ римской каедрѣ церквей востока. Юлій и соборъ антиохійскій 341 г. Дамазъ и Василій В. Вселенскій соборъ 381 г. въ Константинополѣ и отношеніе Рима къ его постановленіямъ. Целестинъ I и Левъ в. съ сношеніяхъ съ востокомъ. Дѣло Акакія константинопольскаго; возвращеніе Геласія на авторитетъ римской каедры. Вигилій. Титулъ „вселенскаго“ и Григорій В. Гонорій и его преемники. Эпоха иконоборцевъ. 4) Начало свѣтской власти папъ.

Во 2 главѣ второй эпохи, В, второго отдѣла послѣднiого періода (стр. 18 программы) необходимо слѣдующее дополненіе: „4) Ватиканскій соборъ. 5) Старокатолики; ихъ сношенія съ православною и епископальною церковью. 6) Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ латинскихъ миссіонеровъ“*).

И. Уберскій.

*) Окончаніе будетъ.

Памяти профессора Василя Васильевича Болотова *).

X.

ВСЕ богословское образование въ нашихъ духовно-учебныхъ заведенiяхъ основано на изученiи классическихъ языковъ. Помимо педагогическаго значенiя, эти богатѣйшiе языки въ мiрѣ являются священнѣйшими языками всей христанской церкви. «Обоимъ классическимъ языкамъ, особенно же греческому, суждено было стать орудiемъ распространенiя, утвержденiя и всесторонняго внутренняго развитiя христанства, такъ что безъ этихъ языковъ нельзя имѣть прямого доступа къ источникамъ христанскаго вѣроученiя, правоученiя и богослуженiя» ¹⁾. Не владѣть этими языками — значитъ удалитъ себя отъ богатыхъ сокровищъ творенiй св. отцовъ, составленныхъ ими церковныхъ вѣснопѣний и молитвъ и вообще источниковъ византiйской исторiи, знакомиться съ которыми въ подлинникахъ является необходимою какъ для ученыхъ изслѣдователей, такъ и для просвѣщенныхъ пастырей. Да и въ дѣлѣ общаго образованiя безъ знанiя этихъ языковъ едва ли возможно изученiе даже родныхъ намъ — русскаго и славянскаго, — которые развились подъ влiянiемъ языка греческаго. Поэтому, въ интересахъ духовнаго просвѣщенiя изученiе этихъ языковъ въ духовныхъ семинарiяхъ и академiяхъ представляется дѣломъ настоятельной необходимости.

*). Продолженiе. См. июль.

¹⁾ А. И. Георгiевскiй. Предположенная реформа нашей средней школы. СПб. 1901, стр. 9. Ср. М. Н. Ганковъ. Наша учебная реформа. Москва. 1890 г., изд. С. Н. Фишеръ.

Въ виду такого значенія классическихъ языковъ, академическимъ дѣятелямъ съ 1848 года слѣшкомъ пол-вѣка пришлось потрудиться надъ изысканіемъ мѣръ къ усилению изученія этихъ языковъ и улучшенію методовъ ихъ преподаванія въ академіяхъ и семинаріяхъ¹⁾. Академіи не могутъ смотрѣть на эти языки, какъ на вспомогательное средство только для богословскихъ наукъ, такъ какъ академіямъ приходится имѣть цѣлью не только знакомить своихъ питомцевъ съ первоисточниками по богословскимъ предметамъ, но и готовить учителей по классическимъ языкамъ въ духовныя семинаріи. Для достиженія первой цѣли нужно расширить то знакомство воспитанниковъ съ языками, какое получено ими въ семинаріяхъ, а для второй—нужно дать основательное специальное филологическое образованіе—готовить учителей-филологовъ. Но для духовныхъ академій, какъ заведеній по преимуществу богословскихъ, объединить двѣ эти задачи и разрѣшить ихъ на практикѣ невозможно безъ надлежащей реформы въ этомъ дѣлѣ. Можно надѣяться, что еравнительное языковѣдѣніе, давнее о себѣ знать въ настоящее время своими плодотворными результатами, измѣнитъ и въ духовныхъ семинаріяхъ устарѣвшіе методы преподаванія классическихъ языковъ и несомнѣнно будетъ способствовать возвышенію общаго образованія и въ духовныхъ академіяхъ.

Въ настоящее время, когда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія предпринята реформа въ смыслѣ уничтоженія изученія классическихъ языковъ, и когда въ духовномъ вѣдомствѣ раздаются голоса объ уменьшеніи изученія и даже отбѣнѣ этихъ языковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ,—является интереснымъ взглядъ Василія Васильевича на эту предметъ.

Этотъ его взглядъ прежде всего виденъ изъ его отчетовъ о пріемныхъ экзаменахъ въ академіи по общей церковной исторіи, на которыхъ онъ имѣлъ иногда цѣлью уяснить необходимую правоспособность испытуемыхъ къ научнымъ занятіямъ богословскимъ. Для этого онъ имѣлъ обыкновеніе послѣ устнаго отвѣта на вопросъ изъ учебника предлагать экзаменующимся небольшія карточки на греческомъ и латинскомъ языкахъ съ выписками характерныхъ богословскихъ выраженій,

¹⁾ Журналъ Совѣта Спб. дух. академіи за 1875 г., стр. 178, 180 и 183, 184.

по которымъ они опредѣляли, православно или не православно излагаемое учене и противъ кого оно направлено. Въ одномъ изъ этихъ отчетовъ Василій Васильевичъ пишетъ:

„Выписанныя мѣста (т. е. изложенныя на греческомъ и латинскомъ языкахъ въроопредѣленія) были неодинаково легки; но въ общемъ карточки согласно показали, что экзаменованные далеко не были господами своихъ свѣдѣній и не все продумали, что запомнили. Правда, около 20 экзаменованныхъ (изъ 69) дали отвѣты вполне правильные“. „Вѣроятно, часть этихъ неудачныхъ отвѣтовъ нужно отнести на счетъ неудовлетворительнаго знанія греческаго и латинскаго языковъ. Но если можно дѣлать какое-либо заключеніе изъ ограниченнаго числа наблюдений, семинаристы лучше подготовлены къ чтенію латинскихъ и греческихъ памятниковъ христіанской литературы, чѣмъ гимназисты“¹⁾.

Въ другомъ отчетѣ за 1894 годъ Василій Васильевичъ также констатируетъ скудость лингвистическихъ знаній испытуемыхъ:

„Были отвѣты дѣльные, пишетъ Василій Васильевичъ, но неудачныя преобладали. Безъ труда угадывали даже послѣ устнаго отвѣта, далеко неблестящаго, цитаты слишкомъ откровенныя (понимали, напр., что выписано мѣсто изъ ватиканскаго декрета или изъ ученія пелагіанъ). Но мѣста съ пѣвтомъ болѣе тонкаго оттѣнка были далеко не всемъ подь силу. Изъ 5 отвѣчавшихъ лишь 2 были въ состояніи опредѣлить, что излагаемое воззрѣніе (христіанское) принадлежитъ арианамъ, а не Аполлинарію. Изъ 4 отвѣчавшихъ ни одинъ не понималъ, что слова (о крещеніи младенцовъ) направлены не противъ пелагіанъ, а принадлежатъ самимъ пелагіанамъ (догматическій оттѣнокъ былъ выраженъ чрезвычайно—впрочемъ—тонко и уклончиво). Но были ошибки и очень грубыя. Искаженное ученіе (иконолатрія) приписывали отцамъ VII вселенскаго собора. Подлинныя слова Евтихія принимали за обличеніе ему.

Главная вина въ этихъ недочетахъ лежитъ однако не на слабости догматическаго разумѣнія испытуемыхъ, а на скудости ихъ лингвистическихъ знаній. Очевидно, книга на греческомъ или латинскомъ языкѣ лишь для очень немногихъ изъ нихъ можетъ быть предметомъ для чтенія. Большинству же предстоитъ тяжкій, еде посильный трудъ перевода изъ нѣсколькихъ строчекъ,—едва ли страницъ,—въ дѣльные часы. И лексиконы для такого труда потребовались бы въ такомъ количествѣ, что и самая богатая бібліотека не въ состояніи была бы удовлетворить спросу. Съ этой стороны испытуемыя

¹⁾ Журналы Совѣта Сиб. дух. академіи за 1890—1 уч. г. Сиб. 1896, стр. 33.

оказываются слабо подготовленными къ научнымъ занятіямъ богословіемъ. Это можно пояснить наглядно однимъ примѣромъ. Казалось, что въ цитатѣ, начинающейся словами: „Ἐλήλυθας ἐκ Παρθένου οὐ πρέσβυς οὐκ ἄγγελος“ всякій угадаетъ знакомый текстъ ирмоса: „Пришелъ еси отъ Дѣвы“. Однако нѣсколько экзаменующихся оказались не въ силахъ опредѣлить полемическую тенденцію этого ирмоса—потому, что не умѣли перевести словъ „ἐλήλυθας и πρέσβυς“ (первое переводили: „принялъ“, второе „старецъ“), и даже когда славянское начало ирмоса было имъ подсказано, они не умѣли продолжить его (все изъ-за мудренаго „πρέσβυς“). Греческое „ἄλλω“ („всею мя чловѣка“) такъ мало говорило ихъ уму, что они не видѣли въ немъ ничего другого, кромѣ истины, что Иисусъ Христосъ *всѣмъ* чловѣкамъ хочетъ спастися“.

Но болѣе подробный взглядъ на дѣйствительное значеніе классическихъ языковъ для духовно-учебныхъ заведеній и на причины фактической безплодности ихъ преподаванія Василиій Васильевичъ изложилъ въ особой запискѣ слѣдующаго содержания:

1. „Духовная школа можетъ подвергаться пареканіямъ, между прочимъ, и за такіе подчеты, за которыми ея дѣятели не могутъ быть отвѣтственны. И въ прошломъ дѣйствовали и въ настоящее время—ко вреду для дѣла дѣйствуютъ такіа причины, устранить которыя можетъ только власть, стоящая несравненно выше и ректоровъ и профессоровъ.

2. „Успѣхи духовныхъ академій стоятъ въ наитѣснѣйшей связи съ успѣхами, которыхъ фактически достигаютъ семинарія. Академіи не могутъ не требовать, чтобы съ аттестаціями „студента“ проникали въ академіи личности, способныя съ дѣйствительнымъ интересомъ отнестись къ наукамъ въ ихъ высшей постановкѣ“.

3. „Въ семинаріяхъ существовало когда-то „чтеніе отцевъ церкви по-гречески“. Я формулировалъ бы нѣсколько шире: „чтеніе греческихъ отцевъ церкви по-гречески и латинскихъ по латыни“. Этотъ предметъ—съ академической точки зрѣнія—есть квинтъ—эссенція семинарскаго курса, истинное testimonium unitatis студента богословія“. „Не зрѣлый“ не прочтетъ отца церкви въ подлинникѣ или потому, что самое содержаніе отеческихъ писаній окажется непонятнымъ плохо подготовленному „богослову“, или же потому, что самый языкъ отцевъ ламъ покажется „грамотою не при насъ писанною“.

4. „Однѣ изъ важныхъ догматическихъ памятниковъ православія начинается словами: „Послѣдующе божественнымъ отцемъ“. Уже это одно сообщаетъ „чтенію отцевъ церкви по-гречески“ значеніе интегральной части самаго православія. Много ли „мѣдныхъ монетъ“ можно дать за нравственную крѣпость такой семейки, гдѣ дѣти не понимаютъ языка своихъ родителей? И православный „богословъ“ *долженъ пони-*

мать языкъ отцевъ церкви, чтобы имѣть реальную возможность слѣдовать ихъ подлинному ученію.

Русская церковная жизнь дала намъ жестокіе уроки. Припомнимъ лишь: „аще кто не знаменаетъ двѣма персты, якоже и Христосъ: да будетъ проклятъ, *святѣи отцы речеюша*“. Невѣжда, возмнившій, что онъ послѣдуетъ божественнымъ отцамъ, можетъ быть прямо ужасенъ.

5. „Съ точки зрѣнія академическихъ интересовъ я считалъ бы цѣлесообразнымъ поставить „чтеніе св. отцевъ въ подлинникѣ à livre ouvert во главу угла на пріемныхъ академическихъ испытаніяхъ. Этотъ повѣрочный экзаменъ слѣдовало бы поставить прежде всѣхъ другихъ,—и лицъ, получившихъ по чтенію отцевъ какъ греческихъ такъ и латинскихъ на академическомъ экзаменѣ средній баллъ менѣе $3\frac{3}{4}$, прямо устранивъ отъ остальныхъ испытаній“.

6. „Было бы странно игнорировать, что съ преуспѣліемъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ дѣло въ семинаріяхъ обстоитъ далеко не благополучно. Не семинаріи въ этомъ виноваты. Въ отвѣтъ на усилія духовной школы жизнь несла мутныя волны своего разврата. Развѣ возможно семинаристовъ, юношей въ 20 лѣтъ, удержать въ такомъ невѣдѣннѣй счастливымъ, чтобы для нихъ осталось совершеннымъ секретомъ, что въ ихъ родномъ уѣздѣ, если не селѣ,—есть пастыря, которые греческій языкъ позабыли чуть не до алфавита включительно, и однако это не мѣшаетъ имъ считаться, даже быть почтенными дѣятелями на пивѣ Господней? Жизнь, слѣдовательно, не позволяетъ духовнымъ дѣтелямъ не угашать того духа, того свѣта, который вложило въ нихъ скромное семинарское образованіе. Та же жизнь ждетъ и учащихся семинаристовъ. Кто же броситъ въ нихъ камень за то, что они еще на школьной скамьѣ составляютъ себѣ мнѣніе, что греческій и латинскій языкъ не пользуется ничтоже?“

7. „Но горькій конецъ еще не въ этомъ. Допустимъ, что семинаристы изучили оба классическіе языка совершенно удовлетворительно. Является вопросъ: что они станутъ читать по-гречески и по-латыни по выходѣ изъ школы? Классическіе авторы изъ Bibliotheca Teubneriana сравнительно дешевы (хотя и они очень дороги для скуднаго кошелька большинства сельскихъ священниковъ). Но можно ли поставить въ вину священнику, если его ни Демосоены и Цицероны, ни Омиры и Виргиліи не интересуютъ, и онъ пожелаетъ читать св. отцевъ? Но именно святоотеческія творенія и недостижимы для него, какъ „высота небесная“. Старья бенедиктинскія „Opera omnia“ страшно дороги. Новыхъ изданій отдѣльныхъ свв. отеческихъ твореній за границею вовсе нѣтъ. И конечно не русскіе священники, съ ихъ скромными доходами, составятъ такой общій контингентъ покупателей свято-отеческихъ твореній, что Тейбнеры и Таухницы признаютъ достаточно коммерчески выгоднымъ приняться за переизданія отдѣльныхъ тво-

реній святыхъ отцевъ. Что же удивительнаго, если духовная школа оказывается безсильною въ борьбѣ противъ такого „положенія вещей“, лежанью которыхъ къ концу не предвидится.

Наполните консерваторію профессорами на подборъ все съ талантами и — что важнѣе — со славою Рубинштейновъ, но объявите питомцамъ, что, по выходѣ изъ школы, скрипачи не увидятъ ни смычка, ни скрипки, пианисты вовѣки не дотронутся пальцами до клавишей, — и консерваторія потеритъ *fiasco*. Заведите на всѣхъ Шницбергенахъ самое образцовое преподаваніе виноградарскаго искусства, — въ Соловкахъ все равно не вырастутъ виноградники.

8. „А между тѣмъ это упорное отсутствіе „предложенія“ книги въ Россіи, убивающее самую возможность спроса на нее, не позорно ли для Россіи?“

Всякій ли священникъ окажется у насъ на высотѣ своего призванія, если какой прихожанинъ предложитъ ему рядъ такихъ, напр., вопросовъ:

а) что значитъ: „возвнеслетъ памъ божественную благодать?“ Мы славу возсылаемъ Богу, а Богъ ниспосылаетъ, здѣсь же стоитъ: „возвнеслетъ“.

б) что значитъ такое явленіе: въ ирмосѣ 4 пѣсни воскреснаго канона 2 гласа поютъ: „Пришелъ еси отъ дѣвы *не ходатай*, не ангель“, а спустя нѣсколько минутъ въ ирмосѣ 5-й пѣсни того же самаго канона мы слышимъ: „*Ходатай* Бога и чловѣковъ былъ еси, Христе Боже?“ Случай весьма назидательный — для того, кто воображаетъ, что подобныя коллизіи можно устранить *исправленіемъ наличнаго славянскаго перевода*. Здѣсь пришлось бы начать ломкою самыхъ употребительныхъ терминовъ богословскаго языка.

в) Что значатъ слова: „расторгнемъ стропотная нужныхъ измѣненій“ (въ стихирѣ: „Постыжися, братіе, тѣлесно“) etc. etc. etc.

Допустимъ, что приходскій пастырь дастъ на эти вопросы отвѣты; но будетъ ли это достойно чести его пресвитерства? Вѣдь, если онъ отвѣтитъ, даже и вѣрно, по не прочитавъ греческаго текста темныхъ мѣстъ, онъ отвѣтитъ *только наугадъ*, т. е. со *ipso* низведетъ себя въ разрядъ адептовъ той іезуитской морали, которая вмѣсто точной истины умѣетъ довольствоваться и приблизительнымъ правдоподобіемъ“.

9. Натичный порядокъ вещей, думаю, есть только безпорядокъ, подлежащій устраненію. При каждой, даже небогатой приходской церкви въ „діаконикѣ“, въ шкафѣ, должны бы стоять богослужебныя книги на греческомъ языкѣ, чтобы серьезно относящійся къ своему положенію пресвитеръ, при всякой встрѣчѣ съ подобными недоумѣнными выраженіями, могъ въ тотъ же день выяснитъ, въ чемъ здѣсь дѣло.

10. Кромѣ книгъ богослужебнаго круга, въ этихъ церковныхъ бібліотекахъ могли бы найти мѣсто и томики отдѣль-

ныхъ твореній св. отцевъ въ подлинникѣ... Такъ называемая благодѣтельная гласность поднимала не разъ и вой и плачь по поводу рецидивизма безграмотности, наблюдаемаго въ пѣ-которыхъ бывшихъ питомцахъ элементарной народной школы. Поговариваютъ о церковной библиотекѣ для народа. А легко ли рецидивизмъ малограмотности, на который нашъ житейскій укладъ обрекаетъ самого священника? И гдѣ достойныя церковныя библиотеки для самихъ священниковъ?

11. Ставило вопросъ о перепечаткѣ святоотеческихъ подлинныхъ твореній въ Россіи намѣренно широко. Можетъ быть и это предпріятіе, если поставить его en grand, обойдется „оптомъ дешевле“ и пригодится и не для тѣсныхъ рамокъ академическаго быта. Къ нему тенерь и обращаетесь.

12. Легко предположить, что студентъ семинаріи, положившій хотя только основанія къ тому, чтобы быть подготовленнымъ къ усвоенію высшихъ богословскихъ наукъ, поступая въ духовныя академіи, и послѣдніи обязаны отвѣтить на его научные запросы и обильно насытить его пищеею святоотеческихъ писаній. Сѣтованія, что въ академіяхъ стоитъ дѣло какъ будто не такъ, раздавались чуть ли даже не на столбцахъ газетъ, въ богословіи совѣтъ не повинныхъ. Очевидно, писатели этого тона и не подозреваютъ, что на ихъ драгоценныя софты академія имѣетъ не только право, но и долсъ отвѣтить словами: *ultra posse nemo obligatur*. Академіи лишены возможности поставить дѣло чтенія святоотеческихъ твореній студентами сколько-нибудь систематически. Причина указана уже выше. Нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ слѣда отдѣльныхъ изданій святоотеческихъ твореній въ подлинникѣ, книжечками въ 2—3 печатные листа. Т. е. никто еще не позаботился удовлетворить одной изъ существенныхъ потребностей высшаго духовнаго просвѣщенія. Толковать о возвышенныхъ принципахъ несомнѣнно легче, чѣмъ уразумѣть практическую сторону дѣла. Св. отцевъ издавали во дни оны бенедиктинцы, но издавали какъ въ видѣ *Opera omnia*, такъ и въ видѣ пренеудобныхъ фолиантовъ. Эти *Opera omnia* очень дороги и потому въ самой богатой библиотекѣ имѣются въ одномъ-двухъ экземплярахъ. Между тѣмъ нормальный планъ академіи рассчитанъ на 30 студентовъ. А разныя житейскія обстоятельства повели къ тому, что каждый годъ въ академіи понадеетъ вмѣсто 30 слушателей по 50 и болѣе. Если студентъ А. взялъ первый томъ твореній Аонасія Великаго съ тѣмъ, чтобы прочесть его слова о воплощеніи Бога Слова, то тѣмъ самымъ онъ лишаетъ студента Б. возможности навести справку въ *Apologia ad Constantium*, студента В. прочесть *Apologia de fuga*, студента Г. ознакомиться съ *Historia arianorum ad solitarios*, такъ какъ всѣ эти творенія св. отца помѣщены въ томъ же I томѣ. А затѣмъ раскрытый на столѣ фолиантъ занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ сколько полагается на одного студента.

Правда эти фоліанты перепечатаны уже въ довольно удобныхъ квартажахъ Патрологіи Миня. Но къ сожалѣнію почтенный abbé, бороншійся со всяческими препятствіями, воспользовался для своего изданія бумагою, хуже которой повидимому во всемъ Парижѣ въ 1857 г. найти было невозможно. Поэтому академическая бібліотека имѣетъ право выдавать томы Патрологіи не во всякія руки. А затѣмъ, вполне естественно, что Патрологія большею частію находится на рукахъ у академическихъ преподавателей. Какъ бы строго ни относиться къ профессорамъ, которые не имѣютъ своей ученой бібліотеки, изъ за *Patrologiae Cursus Completus* на нихъ не можетъ пасть никакой укоризны уже просто потому, что въ 1875 г., когда Migne померъ, большая часть ихъ сидѣли кто на академической, кто на школьной скамьѣ. А *Patrologia* еще при жизни издателя сдѣлалась величайшею бібліографическою рѣдкостью⁴.

Съ практической точки зрѣнія много можно сдѣлать и дѣйствительно дѣлають, возраженій противъ изученія классическихъ языковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. — Напр., одинъ священникъ А. С. въ своей статьѣ въ «Недѣля» за 1901 г.: «Во что обходится Россіи изученіе классическихъ языковъ», между прочимъ, писалъ, — что «древніе языки, по совѣти говоря, ни на что не нужны въ жизни. Развѣ лишь медикамъ можетъ понадобиться латынь для написанія рецептовъ; но для того, чтобы умѣть писать по латыни названіе лѣкарствъ, достаточно было бы взять нѣсколько уроковъ латинскаго языка, уже приступивши къ изученію медицины, а не мучить имъ всѣхъ безъ исключенія гимназистовъ въ теченіе 10 лѣтъ»¹⁾. Или еще тотъ же авторъ возражаетъ противъ изученія языковъ: «Слышалъ ли кто нибудь, чтобы епархіальные архіереи, училищные совѣты и отдѣленія ихъ, епархіальные и уѣздные наблюдатели, миссіонеры и другія власти интересовались: знаетъ ли подвѣдомственное имъ духовенство латинскій и греческій языки, или нѣтъ? Значить, всѣ они считаютъ ихъ ненужными для приходскаго духовенства. Зачѣмъ же тогда изучать ихъ? Во многихъ епархіяхъ (напр., Х. и Н-кой) священники, не обремененные классическими (да и другими познаніями), почему то получаютъ даже лучшія мѣста и дѣлаются благочинными. Вѣдь архіерей можетъ, по своему усмотрѣнію, предоставить любое мѣсто въ епархіи и назначить благочиннымъ простаго священника, хотя бы изъ

¹⁾ „Недѣля“ за 1901 г. № 10, стр. 361.

третьяго класса духовнаго училища и подчинить ему городскихъ священниковъ и протоіереевъ—кандидатовъ и магистровъ богословія. И это, говорятъ, случилось недавно въ одномъ университетскомъ городѣ»¹⁾). Но если все это, какъ свидѣтельствуеъ батюшка, и бываетъ въ жизни, то не значить, что такъ и должно быть и что классическими языками нельзя пользоваться. Все зависитъ отъ правильной постановки этого дѣла, а значеніе древнихъ языковъ для духовныхъ школъ безспорно.

XI.

Какъ видно уже изъ представленнаго нами очерка дѣятельности Василя Васильевича, онъ сдѣлалъ капитальные вклады во внутреннюю жизнь академіи и указывалъ то направленіе, какому она должна слѣдовать въ своихъ работахъ и въ своей жизни. Не можемъ здѣсь не отмѣтить еще одного изъ этихъ вкладовъ, послужившаго къ возвышенію научныхъ интересовъ академіи.

Нельзя соизмѣрять плодотворность дѣятельности академіи количествомъ выходящихъ изъ нея ученыхъ диссертаций. Во всякомъ дѣлѣ прежде всего цѣнится качество предмета. Такъ и по отношенію къ ученымъ диссертациямъ: установить принципъ—какихъ ученыхъ достоинствъ онѣ должны быть—и составляетъ одну изъ задачъ духовныхъ академій. Тѣмъ болѣе это необходимо, что какихъ либо руководственныхъ узаконеній и правилъ на этотъ предметъ не существуетъ ни въ академическомъ уставѣ, ни въ объяснительной запискѣ. По § 142 устава духовныхъ академій, напр., для полученія ученой степени доктора только требуется сочиненіе, но не указывается какихъ достоинствъ оно должно быть. Академическій же *usus* въ этомъ отношеніи бывалъ различенъ и измѣнявшъ отъ жизненныхъ условій. Сказать «достойно» или «не достойно» извѣстное сочиненіе докторской степени, по существующимъ правиламъ, зависитъ собственно отъ личныхъ взглядовъ рецензентовъ, на основаніи заключенія которыхъ академическіе Совѣты и составляютъ свое рѣшеніе. Какимъ же критеріемъ истинной учености должны руководиться эти рецензенты, чтобы сказать свое безпристрастное мнѣніе объ извѣстномъ сочиненіи,

¹⁾ Тамъ же, стр. 364.

въ руководительныхъ академическихъ правилахъ нигдѣ не сказано. Съ другой стороны, можно ли удостоивать этой степени за совокупность трудовъ автора, и не будетъ ли это противорѣчіемъ съ требованіемъ § 142 устава и какими научными основаніями можно оправдать это? Всѣ эти вопросы академической жизни и разъяспилъ Василій Васильевичъ въ нѣкоторыхъ своихъ отзывахъ о тѣхъ докторскихъ диссертацияхъ, о которыхъ ему приходилось давать свое заключеніе. Въ несомнѣнную заслугу здѣсь нужно поставить то, что онъ попытался установить приблизительно тѣ требованія, которымъ должна соответствовать докторская диссертация.

Вотъ эти требованія:

„§ 142 устава духовныхъ академій требуетъ отъ доктора представленія „диссертации или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлю полученія оной степени“. По обычному пониманію, сочиненіе или диссертация должна представлять нѣчто единое, законченное и цѣльное. А понятіе диссертации докторской, какъ представляемой на соисканіе высшей ученой степени, естественно заставляетъ ожидать, что въ такомъ сочиненіи научность представлена на высшей достижимой для автора степени развитія, что ученые средства приемы имъ здѣсь самымъ широкимъ и полнымъ образомъ“¹⁾.

„Во всякой докторской диссертации самое трудное—выборъ темы, допускающей разработку дѣйствительно докторскую“²⁾.

„Въ сочиненіи ученомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова предполагается: а) глубокая эрудиція и б) научный методъ.“

а) Въ первомъ отношеніи разумѣется само собою, что ученый стоитъ на высотѣ спеціальнаго современнаго изслѣдованія его вопроса, т. е. какъ новѣйшія монографіи и другія изслѣдованія, такъ и болѣе цѣнныя работы старинныхъ ученыхъ (если уже не вся относящаяся литература въ полномъ составѣ) ему извѣстны и дѣйствительно имъ употреблены въ дѣло въ его изслѣдованіи.

б) Во второмъ отношеніи я разумѣю:

аа) по содержанию: научную постановку вопроса и выдержанность приемовъ изслѣдованія.

бб) по внѣшности: безукоризненную технику.

Со стороны содержательной (аа) въ отношеніи, напр., къ

¹⁾ Отзывъ Василія Васильевича о сочиненіяхъ проф. Н. И. Барсова, представленныхъ на соисканіе ученой степени доктора. Архивъ Совѣта Сиб. дух. академіи. 1889 г., дѣло № 33.

²⁾ Журналъ Совѣта Спб. дух. академіи за 1899—1900 г. Спб. 1902 г., стр. 201.

гомилетическому изслѣдованію можно установить слѣдующія положенія:

1. Если ученый избираетъ извѣстнаго проповѣдника предметомъ изслѣдованія, онъ тѣмъ самымъ ручается и за то, что избранный предметъ допускаетъ научную обработку.

2. Долженъ быть выработанъ научный типъ гомилетической біографіи: ученый долженъ касаться только такихъ подробностей въ біографіи проповѣдника, которыя имѣютъ прагматическую связь съ проповѣдями послѣдняго, или же признать научную невозможность такой біографіи.

3. Должно выяснитъ объемъ литературной дѣятельности того или другого проповѣдника, количество его изданныхъ и неизданныхъ произведеній.

4. Ученый долженъ быть чутокъ къ вопросамъ, связаннымъ съ критикою текста избраннаго писателя.

5. Методическіе приемы изслѣдованія, напр., такъ называемый референтный методъ и тѣ или другія точки зрѣнія, съ которыхъ разсматривается проповѣдническая дѣятельность, должны быть послѣдовательно примѣнены какъ къ одному проповѣднику, такъ и къ другому.

6. Обзоръ проповѣдей даннаго писателя долженъ имѣть своею задачею не инвентарныя цѣли, а выясненіе ихъ гомилетическаго типа, той гомилетической теоріи, которой проповѣдникъ держался, если не предполагается, что его проповѣди были случайными изліяніями его природнаго дара слова и потому никакими правилами не регулировались.

7. Если допускается, что данный проповѣдникъ образовалъ свой талантъ подъ влияніемъ свѣтскихъ или духовныхъ ораторовъ его времени, это влияніе должно быть и доказано.

8. Точки соприкосновенія между христіанскими проповѣдниками должны быть также выяснены научно.

9. Такъ какъ проповѣдь есть произведеніе искусства, то извѣстный субъективизмъ при оцѣнкѣ ея достоинствъ неизбеженъ болѣе чѣмъ въ другихъ родахъ критики; тѣмъ болѣе, слѣдовательно, важно знать нормы для оцѣнки проповѣдей,—тѣ устойчивыя правила, которыя до извѣстной степени ограничиваютъ критическій произволъ.

Наконецъ, подъ безукоризненною техникою (66) я разумѣю научное умѣнье дать ученому содержанію и наилучшее выраженіе, тщательную оцѣнку даже и мелкихъ деталей, ту обдуманность, которая сказывается въ самой внѣшности ученой работы,—то, что называютъ научною акрибіею.

Если всѣ эти требованія въ полномъ объемѣ и не могутъ быть выполнены, то нельзя не желать, чтобы ихъ нарушенія были немногочисленны въ количественномъ отношеніи и достаточно мотивированы¹⁾.

¹⁾ Отзывъ о сочиненіи проф. Н. И. Барсова, 1889 г., дѣло № 33.

„Совершенно безспорны права на существованіе тѣхъ ученыхъ книгъ, которыя устанавливають какіе нибудь новые тезисы, дотолѣ неизвѣстные въ наукѣ. Такія сочиненія все признають за произведенія капитальныя, за труды *перваго ранга*. На ряду съ ними стоятъ и тѣ книги, которыя реабилитируютъ тезисы, въ исторіи науки не новые, но фактически давно позабытые, незаслуженно заброшенные, или даже прямо оспариваемые современными корифеями, какъ ложные. Въ такихъ сочиненіяхъ предлагается *новая аргументація* въ пользу старыхъ истинъ. Быть авторомъ сочиненія перваго ранга, внести въ научную сокровищницу новый тезисъ, есть благороднѣйшая цѣль, къ какой только можно стремиться каждому истишному ученому“.

[На дѣлѣ однако] „академическая практика послѣдняго времени, насколько она мнѣ извѣстна, никогда не предъявляла докторантамъ требованія, чтобы они въ своихъ сочиненіяхъ устанавливали какія-нибудь положенія дотолѣ неизвѣстныхъ ученымъ. Не только этого не требуетъ академическій *usus*, но уставъ духовныхъ академій не содержитъ параграфа, который рецензентамъ диссертаций, представляемыхъ на соисканіе степени доктора богословскихъ наукъ, давалъ бы право требовать отъ нихъ непременно научныхъ открытій.

Слѣдовательно, нормальнымъ типомъ такого рода диссертаций должно признать сочиненія *второго ранга*,—тѣ, которыя, не устанавливая новыхъ научныхъ положеній, не ставя предъ собою высшихъ задачъ, чѣмъ *cognitio cogniti* ведутъ изслѣдованіе предмета на высотѣ, современною наукою достигнутой, хотить быть просто полезными въ научномъ отношеніи для читателей, доводя до ихъ свѣдѣнія наиболѣе цѣнные результаты, которыхъ достигли другіе ученые, писавшіе о данномъ вопросѣ“¹⁾.

Вопроса о томъ, устанавливаетъ ли книга какіе-нибудь новые научные тезисы, „не предъявляютъ потому, что настойчивое „*quid novi?*“ оказалось бы роковымъ, вѣроятно, для 99% книжной производительности, и въ ученomъ мѣрѣ давно привыкли въ новой книгѣ не искать непременно новыхъ результатовъ, а довольствоваться талантливымъ сводомъ уже достигнутаго, въ которомъ не совсѣмъ исчезаетъ авторская индивидуальность“²⁾.

Съ другой стороны нужно признать въ принципѣ,

а) что отдѣльныя статьи, даже разрозненныя и незаконченныя, могутъ отличатся столь высокими учеными достоинствами, что не предпочесть ихъ единству законной диссертации было бы несправедливо, и

б) что въ интересахъ самой науки даже желательнo, чтобы

¹⁾ Журн. Совѣта Спб. духовной академіи за 1895—6 уч. годъ. Спб. 1900 г., стр. 197—9.

²⁾ Архивъ Спб. дух. академіи 1889 г., дѣло № 33.

статьи и этюды преобладали надъ сочиненіями; потому что это даетъ возможность опытнымъ и зрѣлымъ ученымъ силамъ сберечь свой трудъ и время, посвящая ихъ рѣшенію вопросовъ дѣйствительно спорныхъ и трудныхъ и избавляя себя отъ непроизводительной, но въ полномъ сочиненіи (особенно курсѣ) неизбежной работы--повторенія другими добытыхъ результатовъ, изложенія фактовъ безпорныхъ и вполне установленныхъ“¹⁾).

И. Уберскій.

— — — — —

¹⁾ Ibid. дѣло № 33.

Памяти профессора Василя Васильевича Болотова *)

XII.

Жизнь предъявляет нашему духовенству самые разнообразные запросы, для удовлетворения которых представителям церкви необходимо иметь не только специально богословское, но и общее образование. Духовныя академіи, имѣющія цѣлю дать своимъ питомцамъ именно такое образование, которое необходимо какъ для представителя церкви, такъ и для ученаго богослова, нуждаются въ талантливыхъ и подготовленныхъ дѣятеляхъ для этой работы. Контингентъ этихъ дѣятелей составляетъ большею частію изъ питомцевъ своей же академіи. По уставу духов. акад. 1869 г., академіи имѣли возможность оставлять при извѣстныхъ каедряхъ талантливейшихъ студентовъ въ качествѣ привать-доцентовъ, а для усовершенствованія ихъ въ соответствующихъ наукахъ командировали ихъ въ заграничныя университеты ¹⁾. Съ 1884 года съ этою же цѣлю при академіяхъ учрежденъ институтъ профессорскихъ стипендіатовъ: при академіяхъ ежегодно оставляются два, а

*) Окончаніе. См. августъ.

¹⁾ Въ періодъ времени съ 1870 г. и по 1884 г. въ Сиб. духовной академіи съ цѣлю ознакомленія съ методами преподаванія богословскихъ предметовъ лучшими профессорами заграничныхъ университетовъ были командированы за границу семь доцентовъ. См. Журн. Сов. Сиб. духовной академіи за 1870 г., стр. 258—261; за 1876—77 г., стр. 116—130; за 1877—78 г., стр. 4, 14—18, 45, 122 и 163—200; за 1878—79 г., стр. 101—3 и 144—5; за 1879—80 г., стр. 9, ср. 148—170; за 1880—81 г., стр. 13—23, 143—165 и др.

иногда и болѣе талантливыѣшихъ студента на одинъ годъ, а иногда, по особому ходатайству, и на болѣе большой срокъ, для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ академіи. Эти лица и являются первыми кандидатами для занятія профессорскихъ вакансій въ академіяхъ по тѣмъ кафедрамъ, при которыхъ они состояли стипендіатами. Выборное начало при замѣщеніи въ академіяхъ этихъ вакансій служить наилучшимъ залогомъ успѣха въ этомъ дѣлѣ. Совѣты академій сами избираютъ кандидатовъ на профессорскія вакансіи и сами изыскиваютъ мѣры къ усилению ученой дѣятельности академій. Къ сожалѣнію, смыслъ академическаго стипендіатства замѣтно сталъ утрачиваться: для возможно лучшаго приготовленія къ профессорской дѣятельности они за границу не командированы и, по окончаніи года стипендіатства, не всегда оставляются для чтенія лекцій въ академіи, а назначаются преподавателями въ духовныя семинаріи и даже въ духовныя училища. Будучи оторванными отъ академій и удаленными отъ академическихъ библіотекъ, они не имѣютъ возможности продолжать то дѣло, къ которому готовились въ періодъ своего стипендіатства и, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, заявляютъ о своемъ стипендіатствѣ лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ подачею магистерской диссертации.

Когда въ академіи была свободна одна изъ библейскихъ кафедръ, Василій Васильевичъ, какъ членъ Совѣта, принимавшій живое участіе въ выборѣ кандидата на эту вакансію, новидимому, хотѣлъ возстановить уже тогда замѣтно уменьшившееся значеніе академическаго стипендіатства и проскитировалъ избираемаго кандидата на академическую кафедру командировать для усовершенствованія въ библейскихъ наукахъ за границу года на два. Къ сожалѣнію, въ академическомъ архивѣ нами не отысканъ бывшій проектъ Василя Васильевича о необходимости заграничныхъ командировокъ для лицъ, вновь поступающихъ на академическую кафедру.

Въ заключеніе своего очерка о дѣятельности Василя Васильевича по вопросамъ внутренней жизни Академіи помѣщаемъ списокъ темъ, данныхъ Василю Васильевичемъ для кандидатскихъ сочиненій съ 1884 года по годъ его смерти ¹⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ темъ разработаны въ кандидатскія и маги-

¹⁾ Темы В. В.—ча за время съ 1879 г. по 1883 г. въ академическомъ архивѣ не сохранились.

стерскія диссертаціи, а нѣкоторыя снабжены руководительными указаніями Василія Васильевича.

Въ 1884—85 уч. году: Римское образованное общество по письмамъ бл. Иеронима.

На эту тему писано курсовое сочиненіе *Х. Дроботовымъ*, удостоенное ст. кандидата богословія по отзыву В. В—ча. См. „Журн. Сов. Академіи“ за 1884—85 уч. г., Спб. 1886 г., стр. 229.

Въ 1885—86 уч. году: 1) Восточная агиологія какъ источникъ для точной и мѣстной церковной исторіи (январь и февраль).

Кандидатское соч. *Е. П. Аквилонова*. Отзывъ В. В—ча см. въ „Журн. Сов. Акад.“ за 1885—86 уч. г. Спб. 1888 г., стр. 34ѳ.

2) Та же тема—съ мѣсяцами мартомъ и апрѣлемъ.

3) Догматическій языкъ св. Григорія Богослова въ ученіи о воплощеніи.

4) Марій Викторинъ, какъ полемистъ противъ арианства.

5) Бл. Августинъ, какъ полемистъ противъ арианства.

Въ 1886—87 уч. году: 1) Семьдесятъ лѣтъ исторіи арианства на латинскомъ западѣ (360—430 гг.).

Канд. соч. *В. Н. Самуилова*, переработанное въ магистерскую диссертацію. Отзывъ В. В—ча см. въ „Журн. Сов. Акад.“ за 1886—87 уч. г. Спб. 1892 г., стр. 229, и за 18⁸⁹/₉₀ г. стр. 103.

2) Восточная агиологія (Acta Sanctorum), какъ источникъ для точной и мѣстной исторіи церкви I—VIII вв.

По 4 тома Acta Sanctorum, начиная съ мѣс. марта.

Кандид. соч. *П. Ливенцева, О. Макарьева, Г. Полянского, П. Пользинскаго, М. Серебренничаго и Г. Сокольскаго*. Отзывъ В. В—ча см. въ „Журн. Сов. Акад.“ за 1887—88 уч. г., Спб. 1892 г., стр. 67, 97 и за 1886—87 уч. г., стр. 231.

3) Ученіе Дидима александрійскаго о св. Троицѣ въ сравненіи съ ученіемъ св. Аоанасія в.

4) Догматическій языкъ св. Григорія Богослова въ христорогическихъ отдѣлахъ его твореній.

5) „Историческій діалогъ“ Палладія о жизни св. Златоуста и „Лавсанскі“ Палладія. Вопросъ объ авторѣ этихъ двухъ историческихъ сочиненій.

6) Время отъ Константина IV Погопата до Θεодоры (668—842 г.). Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія византійской хронографіи съ издашемъ своднаго ея текста.

Въ 1887—88 уч. году: 1) Вѣкъ иконоборцевъ въ византійской хронографіи.

Кандид. соч. *П. Преображенскаго*. Отзывъ В. В—ча см. въ „Журн. Сов. Акад.“ за 1888—89 уч. г. Спб. 1894 г., стр. 221.

2) Вопросъ о твореніяхъ Палладія эленопольскаго.

3) Св. Никифоръ константинопольскій, какъ полемистъ противъ иконоборцевъ (сравнительно съ Иоанномъ Дамаскинымъ и Θεодоромъ Студитомъ).

4) Liber Pontificalis въ изслѣдованіяхъ европейскихъ ученыхъ.

Кандид. соч. *М. И. Орлова*, переработанное въ магистерскую диссертацию. Отзывъ В. В—ча см. въ „Журн. Сов. Акад.“ за 1888—89 уч. г., стр. 219.

5) Изслѣдованія Дрезеке объ аполлиаріанахъ.

Въ 1889—90 уч. году: 1) Христология св. Кирилла александрійскаго по его экзегетическимъ твореніямъ.

2) Латоранскій соборъ 649 г. въ его историческомъ значеніи.

3) Св. Никифоръ константинопольскій какъ полемистъ противъ иконоборцевъ.

4) Работы характера филологическаго: а) Historia aryanorum ad populos принадлежатъ ли Аоанасію в.?

5) б) Годъ кончины св. Ефрема Сирина.

Въ 1890—91 уч. году: 1) Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ полемистъ противъ аріанства.

2) Евреи въ Антиохіи (по твореніямъ св. Златоуста).

3) Творенія св. Елифанія кипрскаго, какъ источникъ для его биографіи.

4) Церковная исторія Никифора Каллиста (томы VIII—XVIII), какъ историческій источникъ.

5) Церковно-историческій матеріалъ въ лексиконѣ Свиды.

6) Вопросъ о времени кончины св. Ефрема Сирина.

Въ 1891—92 уч. году: 1) Историческія свѣдѣнія о странахъ Востока, въ которыхъ христіанство было проповѣдано въ первые два вѣка христіанства.

2) Жизнь Василія в. во французской церковной исторіографіи.

3) Нужны ли труды Альяра по церковной исторіи послѣ работъ Ле-Блана и Обэ?

4) Неподлинныя сочиненія, приписываемыя Аоанасію в.

Въ 1892—93 уч. году: 1) Паденіе греко-римскаго язычества (по современнымъ научнымъ изслѣдованіямъ).

Conditio sine qua non: близкое чтеніе на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, такъ какъ литература: M. V. Schultze 2 тома, Beugnot 2 тома; Chastel и von Lasaulx.

2) Справедлива ли мысль, что каноны никейскаго перваго вселенскаго собора составлены подъ преобладающимъ александрійскимъ вліяніемъ?

3) Жизнь Антонія в., какъ твореніе Аоанасія в.

Conditio sine qua non: хорошее знаніе греческаго (нѣкоторое—нѣмецкаго) языка; изслѣдованіе вопроса предполагаетъ неизбежно филологическое, требующее, во-первыхъ терпѣнія и вниманія, и во-вторыхъ—терпѣнія и вниманія, и въ-третьихъ тоже терпѣнія и вниманія. Задача будетъ разрѣшена блестяще, если будетъ показано, что а) характерныя выраженія Vita s. Antonii встрѣчаются въ большинствѣ въ несо-

мнѣнно подлинныхъ твореніяхъ Аванасія в. и в) не встрѣчаются въ подложныхъ.

4) Годъ кончины св. Ефрема Сирина съ точки зрѣнія твореній св. Григорія нисскаго.

Условія (какъ и характеръ работы) въ главномъ и существенномъ тѣ же, что и на тему 3-ю.

5) Папская власть надъ греческимъ Иллирикомъ.

Тема безъ всякой новой перспективы: трудолюбивая компиляція въ области давно извѣстнаго. Главное пособіе Langen, Geschichte der römischen Kirche, *ориентирующий* источникъ—Jaffé, Regesta Pontificum Romanorum.

Въ 1893—94 *уч. году*: 1) Двѣ книги противъ язычниковъ въ ихъ отношеніи къ другимъ твореніямъ св. Аванасія Великаго.

2) Жизнь св. Василия Великаго въ изложеніи европейскихъ ученыхъ.

3) Время Юстиніана I по представленію монофизитовъ (по Иоанну ефесскому).

4) Черты антиохійско-византійскаго быта по твореніямъ св. Златоуста.

5) „Лугъ духовный“, какъ источникъ для хронологіи церковной исторіи.

Въ 1894—95 *уч. году*: 1) Паденіе язычества въ греко-римской имперіи (по изслѣдованіямъ современныхъ европейскихъ ученыхъ).

Кандид. соч. *Н. В. Милинжаго*. Отзывъ В. В.—ча еще не напечатанъ.

2) Церковный и общественный бытъ въ концѣ IV и началѣ V в. по твореніямъ св. Златоуста.

Кандид. соч. *Х. Пападопуло*. Отзывъ В. В.—ча еще не напечатанъ.

3) Исторія викаріатства оессалоникскаго до присоединенія его къ константинопольскому патріархату.

Кандид. соч. *П. И. Лепорскаго*, переработанное въ магистерскую диссергацію. Отзывъ В. В.—ча о канд. соч. не напечатанъ, и о магистерской—см. въ „Журн. Сов. Акад“ за 1900 -1 г. стр. 239.

4) Вопросъ о достовѣрности древнѣйшихъ повѣствованій по исторіи христіанства въ Иверіи (по исторіи царевича Вахушта) въ связи съ новоизданными грузинскими памятниками.

5) Жизнь и творенія Геннадія II Схоларія, патріарха константинопольскаго.

Кандид. соч. *Х. Иоаннова*. Отзывъ В. В.—ча не напечатанъ.

6) Разборъ памятниковъ армянской полемики противъ православія, сохранившихся у древнѣйшихъ армянскихъ историковъ.

(Переводы Патканьяна и Эмина на русскій языкъ, Броссе—

на французский; Die armenische Kirche in ihrer Beziehungen zur byzantinischen (von IV bis zum XIII Jahrhundert), von Dr. Arşak Ter-Mikelian. Leipzig, 1892. S. 121. Важнѣйшая часть задачи: попытаться опредѣлить, на какія именно мѣста *греческихъ* свв. отцовъ ссылаются армяне).

7) Очеркъ исторіи патріархата антиохійскаго во второй половинѣ VI в.

(Задача: первоначально ознакомиться съ исторіею этого времени по греческому тексту Евагрія; ограниченіе второю половиною вѣка вызывается тѣмъ, что для первой половины потребовалось бы знаніе сирскаго и голландскаго языка и работа получилась бы слишкомъ сложная для одного года. Но въ дальнѣйшемъ пишущій по Полному Мѣсяцеслову Востока высокопр. Сергія долженъ опредѣлить, какіе святыя на востокѣ скончались отъ 525 до 625 г.; ознакомиться съ ихъ житіями; извлечь изъ нихъ данныя, относящіяся къ патріархату антиохійскому; ознакомиться съ исторіею Іоанна ефесскаго (или übersetzt von J. M. Schönfelder, München 1862, или english by Payne Smith, Oxford. 1860) собрать статистическій матеріалъ (церкви, монастыри, селенія въ Сиріяхъ и Фипікіяхъ, упоминаемыя въ это время—у I. Мосха и въ Catalogue of the Syriac M. ss. by IV. Wright (англійскій переводъ съ сирскаго) и въ Acta Sanctorum (равно и матеріалъ для топографіи Антиохіи (въ Afss, у Wright, у Евагрія, у Малалы); ознакомиться съ посланіями римскихъ епископовъ, касающимися антиохійскихъ патріарховъ второй половины VI в. Не смотря на длинную формулировку задачи, прочитать приходится довольно много, написать—очень немного).

Въ 1895—96 уч. году: 1) Быть африканской церкви (преимущественно по письмамъ и проповѣдямъ блаж. Августина).

2) „Книга сокровищъ о святой и единосуцной Троицѣ“ св. Кирилла александрійскаго.

3) Вопросъ о смыслѣ словъ: „Единъъ святая Троица пострада“ въ VI в. (Стралица изъ исторіи отношеній между восточною и западною церковію).

4) Положеніе христіанъ въ Церсиі при послѣднихъ сасанидахъ.

5) Св. Никифоръ константинопольскій, какъ защитникъ чествованія свв. иконъ.

Въ 1896—97 уч. году: 1) Грѣхъ и сродная понятія въ твореніяхъ св. Василія Великаго.

(Дѣло идетъ собственно о томъ, насколько объективныя признавалъ Василій в. человеческое познаніе. Богословская наука нуждается въ широкой постановкѣ этой темы, такъ какъ сторона, заинтересованная въ извѣстномъ освѣщеніи чисто догматическихъ положеній св. отца, склонна думать, что словами *ὑπόστασις*, *ὑπόστασις* св. Василій означаетъ *чисто субъективную* природу человеческихъ представленій о Богѣ.

Между тѣмъ подобная точка зрѣнія на эти философско-богословскіе термины весьма неудобна для православнаго богослова, такъ какъ IV вселенскій соборъ проповѣдуетъ Иисуса Христа *ἐν ὄνομα θεοῦ υἱοῦ ὑποστατικοῦ*.

2) Ученіе Дидима александрійскаго о Св. Духѣ въ сравненіи съ ученіемъ свв. Аѳанасія и Василия вв.

3) Древнѣйшая исторія церкви въ Грузіи (отъ IV в. до прибытія сирекскихъ святыхъ).

Канд. соч. *Г. Гамреклова*. Отзывъ В. В.—ча см. въ „Журн. Сов. Акад.“ за 1896—97 уч. годъ, стр. 253.

4) Критическая оцѣнка приписываемыхъ католикоу армянскому Исааку обличительныхъ словъ на армягъ и однородныхъ съ ними греческихъ памятниковъ той же коллекціи („*ex codice Regio*“).

5) Исторія патріархата антиохійскаго въ VI вѣкѣ.

Канд. соч. *А. П. Дьяконова*. Отзывъ В. В.—ча см. въ „Журн. Сов. Акад.“ за 1896—97 уч. годъ, стр. 246.

6) Патріархъ Фотій константинопольскій и студиты.

7) Исслѣдованіе по вопросу о сочиненіяхъ епископа Палладія Иллинопольскаго.

Въ 1897—98 уч. году: 1) Христіанство въ оазисахъ.

2) Ученіе о Св. Духѣ свв. Василия в. и Григорія Богослова.

3) Житіе св. Порфирія газскаго, какъ источникъ для исторіи церкви.

4) Responsales римскихъ епископовъ въ Константинополѣ.

Въ 1898—99 уч. году: 1) Святоотеческая полемика противъ македоніангъ.

2) Все ли творенія св. Григорія нисскаго можно считать подлинными?

3) Что думалъ блаж. Августинъ о практическихъ слѣдствіяхъ его ученія о предопредѣленіи?

4) Церковная географія антиохійскаго патріархата.

5) Ученіе св. Максима исповѣдника о Богѣ въ Самомъ Собѣ и о Богѣ Троицномъ въ Лицахъ.

6) Есть ли научныя основанія считать воскресныя службы октоиха твореніемъ св. Іоанна Дамаскина?

7) „Мистагогія“ патріарха Фотія представляетъ ли послѣдовательный выводъ изъ его богословской системы?

Въ 1899—1900 уч. году: 1) Св. Ипполитъ римскій какъ хронологъ и пасхалистъ.

2) Успѣхи православія съ 361 по 373 г.

3) Древній епископъ (по писмамъ св. Амвросія медіоланскаго).

4) Подлинно ли 23-е посланіе св. Амвросія медіоланскаго „*Non mediocre esse sapientias*“ къ епископамъ эмційскимъ о днѣ Пасхи?

(Для отвѣта на этотъ вопросъ потребуется точное знакомство съ пасхалиею александрійскою и римскою въ III—

V вв. и со всѣми извѣстіями о томъ, что постановлено по вопросу о пасхѣ на I-омъ вселенскомъ соборѣ).

б) Св. Григорій великій римскій въ его перенискѣ съ восточными.

в) *Ὁμολογία φάσις, ὑποκειμένην ὑπόστασις и πρόσωπον* въ „Точномъ изложеніи“ св. Іоанна Дамаскина.

Василій Васильевичъ былъ не только замѣчательнымъ ученымъ, но и истиннымъ художникомъ слова. Въ этомъ отношеніи онъ былъ оригиналенъ и неподражаемъ. Натура его была слишкомъ своеобразная и глубокая. Характерная форма изложенія, въ которую Василій Васильевичъ облакалъ свои мысли, побудила насъ помѣстить въ этомъ очеркѣ изъ академическаго архива цѣликомъ докладныя его записки, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не доставало данныхъ архива,—и частныя его письма. Реальная личность его была воплощеніемъ истинной учености и всецѣло обрисовывается его учеными произведеніями, которыя, какъ онъ и самъ неоднократно говаривалъ, доступны лишь «для немногихъ». Его детальныя историческія изслѣдованія даже для нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ (не специалистовъ, конечно) казались не интересными и не нужными. До пониманія подобныхъ дѣятелей, какъ Василій Васильевичъ, потомки доходятъ постепенно. Теперь, когда Василія Васильевича уже не стало, намъ тѣмъ болѣе необходимо изучить его духовный міръ и коренныя его воззрѣнія. Онъ былъ любимѣйшимъ достояніемъ Академіи. Духъ его надолго будетъ воодушевлять современныхъ академическихъ дѣятелей идти впередъ все ближе и ближе къ Первоисточнику истинной мудрости и истинной жизни.

И. Уберскій.